

ГРАНЦА

Владимир Прягин

Граница

Владимир Прягин

Дурман-звезда

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Прягин В.

Дурман-звезда / В. Прягин — «АСТ», 2016 — (Граница)

В этом мире правят военные кланы и поклоняются солнцу. Только-только появился порох, но уже существуют летучие корабли. И самая большая ценность – живая руда, что дороже золота. Ясень хочет вступить в один из кланов. Но жрецы солнца обвиняют его в том, что он служит не свету, а тени. Ясень ускользает от них, пускается в бега, находит товарищей по борьбе, но потом узнает, что он действительно – не из этого мира. Он действительно – порождение тьмы.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Прягин В., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	11
3	16
4	21
5	26
Часть вторая	31
1	31
2	35
3	41
4	46
5	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Владимир Прягин

Дурман-звезда

© Владимир Прягин, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Часть первая Степь

1

В тот день, когда заплакало солнце, я был на пути в столицу.

Мы шли на крейсерской высоте над раскаленной степью. Попутный ветер наполнял паруса, и корабль развил неплохую скорость – десять, а то и все двенадцать лиг в час. Капитан обмолвился, что если так пойдет дальше, то уже к вечеру мы достигнем предгорий. Среди пассажиров эта новость вызвала оживление; я же только пожал плечами. С одной стороны, меня в столице ждали дела, и разобраться с ними следовало как можно скорее. С другой – дела эти были такого рода, что любая задержка воспринималась как праздник.

Я стоял на палубе у перил и смотрел, как тень от корабля скользит по земле. Степь была ровной, только у горизонта виднелось несколько пологих холмов. Ветер гнал зеленые волны в белых клочьях ковыльной пены.

За моей спиной послышался детский смех, и сразу же кто-то проскрипел мерзким голосом:

– Юная леди! Ведите себя прилично!

Смех оборвался. Обернувшись, я увидел девочку лет восьми или девяти в сарафане и соломенной шляпке. Ее сопровождала пожилая аристократка. Впрочем, пожилая – это незаслуженный комплимент. Ходячая мумия – так, наверно, будет точнее. Лицо как застывший воск, глухое темное платье до подбородка и, несмотря на жару, перчатки. Худая и прямая как палка. С такой опекушкой, понятное дело, не забалуешь.

Малышка стояла перед ней, смиренно потупившись. Водила туфелькой по полу и молчала, изображая раскаяние. Из-под шляпки выбивались светлые локоны. Милейшее создание, в общем. Даже любопытно стало, что она могла натворить. Слишком резво скакала на одной ножке? Показывала язык рулевому?

Дослушав нотацию, девчонка подняла голову, и я удивленно хмыкнул.

Черты ее лица были совершенны. Такие бывают только у представителей древнейших родов, для которых чистота крови – навязчивая идея. Прежде я ни разу не видел, чтобы дети, рожденные в этих семьях, летали на обычных пассажирских судах. Древнейшие предпочитают личные яхты с толпой вооруженной охраны.

Сейчас телохранитель тоже имелся, но почему-то всего один – топтался поодаль и хмурил брови. Заметив, что я смотрю на девочку, он сразу напрягся и стиснул рукоятку меча. Спасибо, хоть из ножен не вытащил. Я пожал плечами и отвернулся, демонстрируя безразличие, но мысли мои упорно возвращались к попутчикам.

Как эта малышка здесь оказалась? И где остальная свита?

Пожалуй, надо сразу оговориться – я не люблю загадки. Прямо-таки терпеть не могу. За последние полвека они мне надоели до зубовного скрежета. Но судьба рассыпает их передо мной, как пшено, и я, словно безмозглая курица, склевываю и склевываю по зернышку...

Наш корабль тем временем догнал одинокое облако и пристроился в его тень. На побережье, где воздух влажный, а небо низкое, особым шиком считается подняться до самых туч и царапнуть мачтой рыхлое брюхо. Но здесь, над горячей сухой равниной, этот фокус бы не прошел – облако, под которым мы спрятались, висело чересчур высоко. К тому же наши курсы не совпадали, и через минуту корабль выскочил из тени.

Я снова взглянул на пожилую даму и внутренне усмехнулся, увидев, как она достала из ридикюля «глазок». Золотое правило – если желаешь светской беседы, заговори о погоде. А если не знаешь, чем занять руки, возьми «глазок», посмотри на солнце и выдай что-нибудь о перспективах малого цикла. Желательно с умным видом, но это уж как получится.

Темное в серебряной оправе стекло, которым вооружилась аристократка, было овальной формы, размером чуть ли не в две ладони. Такое найдешь разве что в антикварной лавке. Нынешние модницы предпочитают стекляшки не крупнее медного пятака – их полагается носить на шее вместо кулона.

Старая карга достала чистый платочек и тщательно протерла «глазок». Поднесла его к лицу и поморщилась. Смахнула еще одну невидимую пылинку. Наконец, запрокинула голову и взглянула сквозь стекло на солнечный диск. Несколько секунд стояла как изваяние, недоверчиво шурясь. А потом вдруг взвизгнула совершенно по-бабьи.

Девочка в шляпке раскрыла рот. Для нее, похоже, стало сюрпризом, что опекунша умеет проявлять человеческие эмоции. Телохранитель, который до сих пор сверлил меня взглядом, резко обернулся и дернул из ножен меч, готовясь разить врагов на всех направлениях. Какое-то время он растерянно вертел головой. Затем, не обнаружив прямой угрозы, спросил осторожно:

– Леди?

Аристократка посмотрела на него, словно не узнавая, покачнулась и судорожно вцепилась в перила. С трудом отдышалась и прошептала:

– Плачет... О, боги, плачет...

Удивительно, но ее слышали, кажется, в самых дальних закоулках нашего судна. Буквально через минуту палуба кишела людьми. Здесь были все – от юнги до капитана. Даже кок в засаленном фартуке стоял среди пассажиров и, стиснув толстыми пальцами закопченное стеклышко, пялился в небо. Телохранитель, забыв про меня, тоже достал «глазок» и застыл неподвижно. И белокурая девочка, и матросы на мачтах, и рулевой, оторвавшийся от штурвала...

Я лихорадочно пытался соображать. Десятки и сотни мыслей – радостных и панических, дельных и бестолковых – пронеслись в голове за эту минуту, но главная из них сводилась к тому, что в столицу я уже не успею. Никак. Ни при каких обстоятельствах.

Потому что солнце не просто плакало – оно буквально рыдало.

На желтом диске виднелись черные пятна. Пять... нет, даже шесть были отчетливо различимы. Еще два я заметил, тщательно сфокусировав взгляд. И вроде бы совсем крохотная крапинка с краю, но утверждать не буду. Впрочем, неважно. Шесть крупных, с ума сойти! В прошлый раз было всего лишь три, и то ведь мало не показалось...

И, что хуже всего, самое большое пятно – точно в центре, как будто зрачок таранится с неба. Жутковатое впечатление...

Народ вокруг загомонил и задвигался. Кто-то выругался сквозь зубы, кто-то, кажется, начал читать молитву. Раздался истерический смех. Капитан насупился, спрятал в карман «глазок», больше похожий на окуляр от бинокля, и отдельно произнес:

– Господа!

Сказано было так, что все моментально смолкли. Только ветер шумел и скрипели снасти. Облако, с которым мы разминулись, медленно уходило на юго-запад.

– Господа, в свете вновь открывшихся обстоятельств мы корректируем курс и график движения. Ориентировочно через два часа совершим посадку.

– В Белом Стане, я полагаю? – вежливо спросил дородный купец в камзоле с серебряным знаком гильдии.

– Именно так, сударь. Это ближайший город в пределах двадцати лиг. Там мы переждем, пока все закончится.

– Но позвольте! – проскрипела старая опекунша, отойдя, наконец, от шока. – Мы ведь должны были сесть в предгорьях! Капитан, вы сами сказали, что к вечеру доберемся. А до вечера ничего не произойдет, я в этом совершенно уверена...

– Леди, – ответил тот почти ласково, – прошу вас, пересчитайте пятна. Если бы речь шла об обычном или хотя бы о большом цикле, я согласился бы с вами без колебаний. Но сейчас...

– Полагаете, не успеем? – спросил кто-то из толпы.

– Вынужден допустить такую возможность. И не хочу, чтобы это, – капитан кивнул куда-то вверх, и все невольно задрали головы, – застигло нас в чистом поле.

– Вы не понимаете! – Аристократка не желала сдаваться. – Нас ждут на причале в предгорьях сегодня ночью. Это вопрос жизни и смерти, задержка совершенно недопустима! В конце концов, мы заплатили за билеты большие деньги...

– Это вы не понимаете, леди, – очень спокойно произнес капитан. – При всем уважении к вам, я не могу подвергать опасности пассажиров. Что касается денег, то я при необходимости верну их вам до последнего медяка. Мы сядем в Белом Стане, это не обсуждается.

Старуха поджала губы и замолчала. Пауза, однако, продолжалась недолго. Вперед протолкалась бойкая девица с дурацким шарфиком – он был так густо разрисован фиалками, что рябило в глазах. Барышня, очевидно, хотела походить за знатную даму. Фиолетовый – цвет чести и благородства; королевский герб украшен фиолетовой розой. Наряд принцессы на последнем балу был выдержан в соответствующих тонах. Девушкам простого сословия розы, конечно, не полагаются, поэтому остаются фиалки.

– Капитан, капитан! – От избытка эмоций она едва не подпрыгивала. – Значит, у нас еще два часа до посадки? Ведь правильно? Тогда давайте сейчас устроим гадание! Ну в самом деле, господа, нельзя же пропустить такой случай!..

Я мысленно сплюнул. Ох уж эти ревнителю народных традиций! При виде таких вот дамочек начинают чесаться руки – причем не только у меня (что, в общем, вполне понятно), но даже у братьев из храма Первой Слезы, уверенно идущих по пути к просветлению. Юмор ситуации в том, что до смены цикла осталось совсем немного, и вокруг сгущается сила. Значит, с гаданием что-нибудь может и получиться. Вот только это будет совсем не то, чего ожидает барышня. Принца на пурпурном коне она, во всяком случае, не увидит – это я могу гарантировать...

Судя по тому, как поморщился капитан, его тоже одолевали сомнения. Но отказать было невозможно. Гадание под плачущим солнцем – обычай настолько древний, что нарушить его никто не осмелится. Глаза у всех уже загорелись.

– Хорошо, – сказал капитан, – давайте управимся поскорее. У кого есть... гм... необходимые атрибуты?

– У меня, у меня! – запищала барышня и хотела уже метнуться в каюту, но купец неожиданно заступил ей дорогу.

– Сударыня, – сказал он проникновенно, заглянув ей в глаза, – разрешите мне представить чашу. Поверьте, вы не будете разочарованы. Обещаю.

– Я... э-э-э... – пролепетала девица, не ожидавшая такого напора.

– Благодарю вас, – сказал купец. – Господа, я сейчас вернусь.

Он быстро покинул палубу. Кто-то спросил:

– А полотенце?

– Да, – кивнул капитан. – Стюард, займитесь этим.

– С вашего позволения, я бы посоветовал простыню.

– Простыню?

– Совершенно верно. Она большая, а нас здесь много.

– Хорошо, на ваше усмотрение.

Пока народ оживленно галдел в ожидании ритуала, я снова отошел к борту. Степь, проплывающая внизу, все так же дышала жаром, но я больше не замечал ее, думая о своем. Что сделают эти двое из рода Волка, если не дождутся меня в столице? Наверняка попробуют управиться сами, и результат будет соответствующий. Впрочем, если солнце заплакало, то их возня меня уже не касается. Мое время вышло – еще один цикл я просто не потяну...

– Ну что, господа, приступим?

Купец вернулся быстро, как обещал. В руках у него был шар размером с большое яблоко – костяной, идеально отполированный, со вживленными лиловыми нитями. Явно непростая вещица. Барышня, которая первой вспомнила про гадание, прямо задохнулась от зависти. Владелец, довольный произведенным эффектом, аккуратно разъял шар на две половинки. Они были полые, и каждая могла быть использована как гадальная чаша.

Стюард деликатно пробрался через толпу и расстелил на палубе простыню. Все прониклись моментом и замолчали.

– Сударыня, – обратился купец к девице, – окажите мне честь. Будете ассистировать?

Та, похоже, только этого и ждала. Вытащила из ридикюля иголку и вопросительно оглянулась на капитана. Ну да, он тут главный – с кого же еще начать? Капитан вздохнул и протянул руку. Барышня быстро (чувствовалась сноровка) уколола ему указательный палец. Купец подставил чашу, и капля крови упала внутрь.

Кровь собрали у всех матросов и прочих членов команды, даже к рулевому сходили. Взялись за пассажиров. Когда очередь дошла до меня, я поколебался секунду – как бы не вышло хуже. Знали бы они, кому собираются делать кровопускание, разбежались бы, наверное, с воплями. А те, кто посмейей, попытались бы сунуть меч между ребер. Но отказ от участия будет выглядеть подозрительно, а я не хочу привлекать внимание. И вообще, это будет даже забавно...

Я позволил сделать укол. На дне чаши к тому моменту уже скопилась красная лужица. Приняв мою каплю, она всколыхнулась и вроде бы слегка зашипела. Но никто, кроме меня, не присматривался – всем уже не терпелось начать гадание.

На очереди была старая опекунша. Я, правда, засомневался, можно ли из этой иссохшей мумии выдавить хоть капельку жидкости, но получилось. Барышня с иголкой вежливо кивнула старухе, присела перед малышкой и проворковала:

– Не бойтесь, юная леди, это как комарик укусит.

Та храбро выставила ладошку, и последняя порция крови попала в чашу. Купец снова сложил вместе два полушария. Огляделся и спросил:

– Все готовы?

– Начинайте, – пробурчал капитан.

Сейчас все столпились у надстройки на палубе – это сооружение защищало от ветра. Купец держал шар двумя руками над простыней и сосредоточенно хмурился. Бойкая барышня нервно теребила свой шарфик. Белокурая малышка восторженно замерла, распахнув глазки, а ее опекунша недовольно кривилась – очевидно, из-за того, что ритуал совершается в компании немых простолудинов. Что делать – никто не может предвидеть, где и с кем его застигнет судьба, когда солнце уронит первые слезы.

– Свет и прах, – произнес купец.

Лиловые нити, вживленные в шар, замерцали и начали шевелиться. Они отлеплялись от гладкой поверхности и чутко подрагивали – это было похоже на тончайшие щупальца. Или на водоросли, что колышутся в спокойной воде.

– Прах и кровь.

Теперь казалось, что вокруг шара клубится подсвеченная лиловая пыль. Частички ее прилипали к нитям, и те утолщались, становились длиннее. Облачко пыли густело и разду-

валось. «Щупальца» задвигались быстрее и резче, словно шар торопился собрать как можно больше лиловой взвеси.

Краем глаза я увидел, что паруса на мачтах обвисли – ветер стих, как будто боялся помешать ритуалу. Вокруг стояла мертвая тишина.

– Кровь и свет!

Резким движением купец разделил половинки шара, и в воздухе остался висеть темно-красный сгусток. Он не упал на пол, а нехотя, очень медленно опускался и при этом увеличивался в размерах, впитывая пыльцу и постепенно меняя цвет.

Потом снижение прекратилось. Раздутая пурпурная капля, словно в сомнениях, застыла над простыней. Народ затаил дыхание, ожидая, что кровь вот-вот сорвется на полотно. Все были готовы читать узоры, которые там возникнут.

Но вместо этого сгусток пополз вверх.

В толпе испуганно вскрикнули.

Пульсирующий клубок поднялся над нашими головами. Люди следили за ним, застыв ладонями от слепящего солнца.

Несколько секунд ничего не происходило, а потом вдруг ветер, опомнившись, оглушительно взвыл и швырнул сгусток крови на белый парус.

Клякса на парусине начала расползаться; лучи ее изламывались и пересекались друг с другом. Стало понятно, что пурпурные разводы складываются в буквы. На светлом полотнище было начертано единственное слово: ЖИВИ.

2

Горячий ветер моментально высушил кровь. Кляксы потемнели и утратили яркость. Спустя минуту они выглядели уже застарелыми, как будто появились задолго до начала нашего рейса. Было тихо. Люди застыли, пытаясь прийти в себя. Матрос, стоящий рядом со мной, прижимал ладонь к шее между грудиной и кадыком – характерный жест в попытке уберечь душу. Он неотрывно смотрел на парус и шевелил губами. Кажется, читал про себя «Огонь милосердный».

Первой не выдержала бойкая барышня.

– Живи? – прочла она вслух с недоумением в голосе. – Господа, но что это должно означать?

Все, наконец, встряхнулись и начали переглядываться, словно эта реплика сняла колдовское оцепенение.

– Я полагаю, – купец задумчиво потер подбородок, – что послание адресовано кому-то из нас. Одному конкретному человеку. И будет понятно только ему.

– Кому именно?

– Не знаю. Но вряд ли он или она заявит об этом во всеуслышание.

А дядя, судя по всему, не дурак. Я-то как раз догадываюсь, к кому обращен призыв, – присутствие моей крови в гадальном шаре не могло пройти без последствий. Но содержание мне, если честно, не очень нравится. Живи... То есть уходить мне нельзя, а значит, еще, как минимум, один цикл? Ох, как не хочется, кто бы знал... Устал я уже – сил нет. Могу и сорваться. Тьма, ну вот кто тянул за язык эту балаболку? Гадание ей подавай... Летели бы спокойно, сели бы в Белом Стане... Зашел бы напоследок в кабак – сегодня хозяева все лучшее выставят... В общем, нашел бы, чем заняться до вечера... А дальше... Да уж, дальше не самая приятная часть...

Или, может, я неправильно толкую послание? Да нет, пожалуй, все очевидно – ничего другого в голову не приходит.

– Но как же так? – Барышня чуть не плакала от обиды. – Мы же все гадали, это нечестно! И вообще, почему вдруг буквы? Никогда ведь такого не было! Господа, ну скажите же, не молчите!

– Вы правы, сударыня, – пожал плечами купец. – Я тоже не помню, чтобы знаки складывались в осмысленные слова. Но я застал только обычные циклы. Когда в последний раз сменился большой, я еще лежал в колыбели. Может быть, кто-то более опытный?

Все, не сговариваясь, посмотрели на опекуншу, но та сохранила ледяное молчание. Капитан кашлянул:

– Итак, господа. Обычай мы соблюли. Возвращаемся к насущным проблемам. После посадки все покидают борт. Это, я надеюсь, понятно? Рядом с причалом есть несколько постоянных дворов. Там можно переждать с комфортом. Если все закончится ночью, и корабль... – Он на мгновение запнулся, и мне показалось, что палуба под ногами едва ощутимо дрогнула. – ... Так вот, если корабль будет готов, то завтра стартуем в полдень. Задержку постараемся наверстать...

Когда впереди показались городские постройки, солнце уже заметно сместилось к западу. Но зной не желал отступить – наоборот, он стал почти осязаемым. Даже ветер ослаб, как будто увяз в загустевшем воздухе. Марева бродили над степью, и очертания города дрожали, словно мираж. Остров, затерянный в белом ковыльном море...

Матросы засуетились, спеша убрать паруса. Корабль замедлил ход. Теперь предстояло самое сложное.

Капитан подошел к носовой фигуре в виде летучего змея. Казалось, змей прорастает прямо из корабля, из верхней части форштевня, вытягивая шею вперед. В деревянной шкуре мерцали фиолетовые прожилки – вкрапления живого металла. Впрочем, прожилки эти заметно потускнели от времени. Корабль-ящер был стар – даже старше, пожалуй, чем опекунша-мумия, хоть и сложно в это поверить.

Капитан положил на шкуру ладонь.

Воздух опять колыхнулся, и мне почудилось, что змей недовольно пошевелил головой. Он не хотел садиться в этом чужом краю – его манила далекая синь предгорий. Здешний причал казался ему тесным и неудобным, а город – слишком пыльным и грязным. Но капитан просил, обращаясь к нему безмолвно.

«...Ты мудр и велик, летучий змей. Ты скользишь над землей, обгоняя тучи. Глядишь свысока на жалких двуногих, которые копошатся в пыли. Да, мы живем в тесноте и копоти, и наши дома, прижавшиеся друг к другу, похожи сверху на нелепые соты. Тебя, старый змей, раздражают визгливые перебранки на наших улицах и смердящие нечистоты. Ты не можешь понять, зачем было строить город в белой степи, раскаленной, как сковородка. Не желаешь делать здесь остановку. Но ты же видишь – солнце плачет над нами. Мы не в силах выносить его слезы. Поэтому будь снисходителен, мудрый змей, и позволь нам спуститься с неба, чтобы найти убежище на земле...»

И капризный реликт, наконец, согласился уступить. Медленно и нехотя корабль развернулся над городом и начал постепенно снижаться. Рулевой подсказывал направление, поворачивая штурвал.

Белый Стан лежал в стороне от популярных пассажирских маршрутов – трансконтинентальные корабли вроде нашего обычно проходили южнее. Посадочная площадка была довольно скромных размеров. Тем неожиданной оказалась картина, которую мы сейчас наблюдали. В самом центре площадки красовался фрегат, принадлежащий, судя по символике, роду Ястреба. На ветру трепетал желто-черный флаг (цвета ястребиного глаза, как любят подчеркивать ценители геральдических тонкостей). На палубе суетился народ, с борта что-то сгружали, а капитан фрегата, стоя на мостике и приложив ладонь козырьком ко лбу, следил, как мы идем на посадку.

Лицо его показалось мне смутно знакомым. Сталкивались в столице? Вполне возможно. Но что они забыли в этой глуши? Впрочем, догадаться нетрудно. Скорее всего, летели куда-то в другое место, но, как и мы, решили изменить курс, когда заплакало солнце.

Кстати, телохранитель, сопровождающий старуху с девчонкой, снова заволновался. Он вообще не очень умеет скрывать эмоции. Не похож на профессионала. Скорее солдат, которому поручили непривычную задачу. Хотелось бы знать, почему его так беспокоят Ястребы? Вон даже от перил отошел вместе с девчонкой и опекуншей, чтобы с фрегата их не заметили. Ладно, посмотрим, что будет дальше.

Над посадочной площадкой поднимались клубы горячей пыли. Мы опускались в центр этого облака. Глаза слезились, кто-то из пассажиров закашлялся, дамы прижимали к носам надушенные платки. Даже рулевой у штурвала на миг отвлекся, чтобы вытереть грязный пот.

Корабль замер над посадочным ложем, словно вдруг передумал, и матросы поспешно бросили вниз швартовые тросы. Летучий змей, ощутив, что его привязывают, недовольно дернулся, тросы натянулись, и я заметил, как пальцы капитана буквально впились в складки на деревянной шкуре. Змей поупрямился еще с полминуты – скорее, уже для вида – и наша трехмачтовая громада легла, наконец, на толстые причальные брусья. Пассажиры зааплодировали.

Капитан обернулся (лицо его, несмотря на загар, побледнело от напряжения) и слегка охрипшим голосом произнес:

– Дамы и господа, на сегодня наш рейс окончен. Трап сейчас подадут. Жду вас на борту завтра. И от имени всей команды – удачи вам в новом цикле!

Суэта на палубе нарастала. Люди смеялись – пусть иногда и нервно – и оживленно переговаривались. Многие только теперь по-настоящему осознали, что смена цикла – уже не досужие разговоры, а реальность, которая застигнет нас в ближайшее время. Я достал «глазок» и еще раз взглянул на солнце. За последние два часа пятна стали жирнее и проступили ярче. Если так пойдет дальше, то все начнется еще до сумерек.

Подали трап, и пассажиры двинулись к выходу. Барышня, колотившая нас недавно иголкой, что-то втолковывала купцу. Тот снисходительно, но вполне благожелательно слушал. Ну что ж, дамочке повезло. Она путешествует третьим классом, и в обычных обстоятельствах не имела бы ни единого шанса свести знакомство с таким уважаемым господином. Но, когда плачет солнце, случаются невероятные вещи. Не знаю, какие тайны грядущего барышня хотела прочесть в узорах на полотне, но гадание явно пошло ей впрок.

Старая опекушка с телохранителем провели малышку к ступенькам, заслоняя от посторонних взглядов. Я посмотрел им вслед. Любопытно, увидимся ли мы снова? Вернусь ли я вообще на корабль?

Живи...

Что ж, поглядим, что нам предложит славный городок Белый Стан. Я, кстати, бывал здесь проездом лет пять назад – в середине цикла, – но ярких впечатлений не сохранилось. Ну разве что два придурка с кривыми саблями пробовали снести мне башку. Но это так, рутина. Обязательная программа. Гораздо сложнее мне вспомнить город, где обошлось без таких попыток. Жизнь я прожил долгую и насыщенную.

Излишне долгую.

Слышишь, солнце?

Возницы, ошалевшие от неожиданного наплыва клиентов, наперегонки подлетали к борту. Гвалт стоял невообразимый, возле трапа было не протолкнуться. Пыль навязчиво лезла в ноздри. Я кое-как продрался через толпу, отмахнулся от очередного извозчика («Куда желаете, господин? Гривенник, домчу мигом...»). Едва не вляпался в свежий лошадиный помет. Притормозил, пропуская упряжку из двух волов, – они тянули циклопическую телегу. Груз был укрыт дерюгой, а рядом шагала четверка стражников, напряженно зырякая во все стороны. Надо же, какие серьезные – можно подумать, живую руду везут. Хотя кто их знает.

Я шел практически налегке. Саквояж оставил в каюте – все равно там не было ничего по-настоящему ценного, а меня терзало предчувствие, что лишнее барахло в этот вечер мне будет только мешать. Шел пока что без всякой цели. Если мне суждено во что-то ввязаться, то это произойдет независимо от моего желания. Я давно уже не восторженный юноша, чтобы рассуждать о свободе выбора. Кто-то сочтет это пессимизмом, но, по-моему, жить так намного проще.

Выбрался на рыночную площадь и огляделся. Здесь галдели еще сильнее, чем у причала. Все поминутно смотрели в небо и что-то доказывали друг другу, размахивая руками. Одни торговцы уже закрывали лавки, другие, наоборот, бросались ко всем проходящим мимо, надеясь что-нибудь продать напоследок. Один торгаш – неопрятный толстяк в расписном халате – даже осмелился схватить меня за рукав. Я молча двинул ему под дых, а когда он согнулся, добавил коленом в морду. Этим и ограничился, даже руку не стал ломать – только выкрутил для острастки. Я же не зверь и хорошо понимаю, что люди сейчас слегка не в себе.

Толстяк скулил, елозя передо мной по земле, а его соседи старательно отводили глаза. Я брезгливо вытер ладонь о штанину, развернулся и пошел дальше. Сквозь общую какофонию прорывались обрывки случайных фраз и выкрики зазывал.

– ...плачет, и что? Теперь бесплатно отдать?..

– ...говорю ему – часов пять еще, чего ты мечешься? Нет, отвечает, так оно, мол, надежнее. И тащит свой сундук, раскорячился...

– ...шелк, живой шелк! Платки, косынки! Недорого!..

– ...не будет бунта, уважаемый. Не будет, точно вам говорю. Ну, зарежут пяток солдатиков – так вроде не в первый раз...

– ...да вон же шестое! Слева!..

– ...не помрет он теперь. Фиалковым цветом отпоим, вытянем...

– ...ватрушки сладкие, лепешки медовые...

– ...задом жирным трясет и лыбится, корова беззубая. Думает, наверно, ночь просидит, так первой красавицей обернется...

– ...в хлам. Как увидел, так прямо сразу и начал...

– ...кровища полотенце прожгла. Не веришь?..

– ...Ястребы, ха! Воронье помойное...

– ...истинно говорю вам! Светозарное, ясноликое! Смоют всю скверну чистые слезы! Те же, кто грешен, полягут в корчах и взвоют люто!..

Услышав последнюю сентенцию, я скривился. Глянул в ту сторону – так и есть. Храмовый жрец сидел на пучке соломы в закутке между двумя торговыми лавками. Ну то есть бывший жрец, конечно. Из тех, что к старости окончательно выжили из ума и бродят по улицам, развлекая прохожих дикими воплями. Желто-белое одеяние было изгваздано так, словно старика держали в хлеву, – потеки грязи, маслянистые пятна и ошметки навоза. Облезлая лысина почернела от солнца, зато имелась косматая бородища с налипшими крошками и засохшими следами блевотины.

Юродивый вертел головой, тараша мутные бельма. Он был слеп. Собственно, все жрецы слепнут с годами. Чего еще ожидать, если ты ежедневно по несколько часов кряду пялишься на солнечный диск? Я, честно говоря, вообще удивляюсь, как эти без сомнения достойные люди так долго сохраняют рассудок. Лично я бы свихнулся намного раньше.

Вокруг жреца собрались зеваки. Вряд ли в другие дни он имел такую аудиторию, но когда плачет небо, все воспринимается по-иному. Люди слушали молча. Кто-то хмурился, кто-то недоверчиво хмыкал – только два пацана беззвучно давились смехом, разглядывая провидца в навозе.

Неожиданно старик замолчал и приподнялся, держась за стенку. Вытянул вперед костлявую руку и гаркнул:

– Ты!

Надо ли говорить, что грязный палец указывал точно мне в переносицу. Я вздохнул и хотел уже пройти мимо, но юродивый торопливо закаркал, словно понял мое намерение:

– Да, да, ты, пришедший из тени! Мерзкий огрызок, голем, лишенный души! Я слеп, но чую тебя – того, кто живет под солнцем, не зная света! Ты явился, но время твое уже истекает!

Твоими бы устами, подумал я. Но все же остановился и обернулся. Старик ощерился:

– Услышал меня, голем? Так помни же – слезы льются! Твоя плоть сгниет еще до заката, и угаснет твой черный разум!

Он захохотал, разбрызгивая слюну и безумно вращая бельмами. Я почувствовал, что сейчас, вот прямо в этот момент, что-то должно решиться. Воздух стал неподвижен, как тогда, во время гадания, и лиловая взвесь, проявившись из ниоткуда, за клубилась перед глазами. Мне обожгло гортань, стало невозможно дышать – ощущение было, что легкие тлеют, словно бумага. Это продолжалось всего секунду, но что-то, наверно, отразилось в моих глазах, потому что, когда я коротко приказал «Пошли вон», зеваки попятнулись, не сказав ни слова.

Старик завизжал:

– Что, голем, надеешься испугать? Не выйдет! Я жил со светом в душе, и мне умирать не страшно! Это ты, ты, должен бояться!

От него воняло, как от козла. Поморщившись, я сказал:

– Не ори, дурак. Подробности знаешь?

Опешив от такого вопроса, он заткнулся на полуслове. Несколько секунд беззвучно разевал рот, демонстрируя пеньки от зубов. Казалось, я слышу, как скрипят его высохшие мозги. Пришлось подсказать:

– Ты утверждаешь, что моя плоть сгниет до заката. Как это случится и где?

Он что-то проблеял. Я подождал для порядка, потом вздохнул:

– Понятно. Конкретно сказать ничего не можешь. Но что-то ведь чувствуешь, вшивый крот... Ладно, последний шанс. Сейчас я задам вопрос, а ты ответишь на него одним словом. Ну, готов?

– Я не буду отвечать, голем.

– Напрасно. Ты сказал, что у меня нет души. Но чужую душу я взять могу. Ты ведь знаешь об этом, правда?

Я вытащил кинжал и приставил лезвие к его шее под кадыком. И вот теперь его по-настоящему проняло. Старик затрясся, и я, забеспокоившись, что он обделается от страха, даже отступил на полшага. Но кинжал, естественно, не убрал.

– Итак, я задаю вопрос. Север, юг, восток или запад?

Его тупая физиономия начинала меня бесить. Я слегка усилил нажим и почувствовал, как острие клинка проникает в кожу, хотя за бородой этого было не видно.

– Жду три секунды. Потом забираю душу. Север?.. Юг?.. Восток?..

– Запад! – пискнул старик.

– Спасибо.

Коротким движением я вспорол ему горло. Вытер клинок, развернулся и пошел прочь. Мертвец остался лежать на пучке соломы. Все честно – душу я оставил при нем. Мне она была ни к чему.

3

Я покинул площадь и зашагал по улице. Здесь тоже располагались торговые лавки, но уже побогаче – специально для клиентов, презирующих базарную толчею. Мелькали аляповатые вывески с изображением клинков, головных уборов и алхимических склянок. Попалась даже стеклянная витрина в человеческий рост – почти как на Аллее Предков в столице. Причем стекло было не простое, а с фиолетовым благородным отливом – такое камнем не расшибешь, и решетку можно не ставить. На витрине блестели оправы для «глазков», выполненные из чистого золота, жемчужные нити, явно доставленные с самого побережья, самоцветы с Хрустальных Гор, серебряные браслеты и прочая ерунда, от которой у дам замирает сердце, а у мужчин пересыхает во рту при взгляде на ценник. Вот и сейчас две барышни в прострации застыли на тротуаре, пожирая глазами ассортимент. Стражник, охраняющий вход, снисходительно улыбался.

Да, если в Белом Стане появились подобные заведения, то дела здесь не так уж плохи. Филиал Королевского Банка тоже имеется – каменное здание аж в три этажа. И вообще, городок заметно разросся за те годы, что я здесь не был. Может, и правда, живую руду нашли? Нет, это вряд ли. Откуда бы ей здесь взяться?

Я шел на запад, как и подсказал мне юродивый, а чувства мои представляли смесь эйфории, нетерпения и страха. Ситуация была не совсем понятной. Пророчество жреца противоречило результатам гадания на корабле, однако я склонялся к тому, чтобы принять слова старика за истину. Все-таки этот вонючий крот обращался прямо ко мне, а там, на палубе, присутствовали десятки людей. Но опять же что в таком случае означала надпись на парусине?

Разберусь, никуда не денусь.

Витрин с чудо-стеклами больше не обнаружилось, и любые ассоциации со столицей теперь казались смешными. Я притормозил, озираясь. Улица вывела меня к ратуше. Трехэтажное здание с нелепыми завитушками на фасаде навевало тоску. Часы под крышей стояли. У входа толпились люди, и я подошел поближе.

На стене висел свежотпечатанный бумажный плакат, с которого смотрел угрюмый мужик, заросший бородой по самые брови. Рисунок был черно-белым и схематичным, но художник явно имел талант – взгляд бородатого казался колючим и неприятным. Сверху аршинными буквами значилось: «Рассудит небо».

Я удивился. Это что за злодей такой, если ему не отрубили башку и на каторгу его не отправили, а держали специально для такой казни? Имя, которое значилось на плакате, ни о чем мне не говорило, а вот кличка Угорь уже как будто встречалась. Вот только при каких обстоятельствах?

Я с трудом продирался сквозь лес казенных формулировок в пояснительном тексте: «...подданническую присягу презрев и законы, Солнцем данные, попирая...», «...смертоубийства, а також и прочие деянья предерзкие, не единожды учиненные...», «...казне и торговому люду убытки приключив непомерные...», «...и от мыслей злодейственных воздержания в себе не имея...», «...суду же высокому преступное неуважение выказав...». И наконец история этого симпатяги всплыла-таки в моей памяти.

Угорь был родом из этих мест – внебрачный сын горожанки от кочевника-степняка. Вырос в бедности, если не сказать – в нищете. Подростком сбежал из дома, бродяжничал, скитаясь по континенту. Добрался до Восточного Взморья. Там, кажется, был гарпунщиком. Пару лет провел в Хрустальных Горах. Вернувшись в родные края, нанялся охранником в караван. Сопровождал товары в столицу. Клинком, говорят, владел виртуозно. Быстро заво-

евал уважение, стал десятником. Потом вдруг вместе с десятком переквалифицировался в разбойники. Караванные пути он знал досконально, и купцы в округе буквально взвыли.

Угорь действовал нагло, но четко видел границу, за которую не следует выходить. Не нападал на королевские грузы, чтобы из столицы не прислали солдат, а награбленными деньгами делился с местными, которые при случае давали ему убежище. К тому же ему невероятно везло – несколько раз он ускользал буквально из-под носа у стражи. Именно тогда он, кстати, получил свою кличку. Вся эта канитель продолжалась бы еще долго, если бы не возникла одна проблема.

Разбогатевший Угорь пристрастился к «звонящим каплям». И никто не подсказал ему вовремя, что в этом деле тоже надо соблюдать меру. Может, его лихие рубаки не решились сделать замечание атаману, а может, просто были не в курсе. Они-то ведь сами не во дворцах росли, и крошечные винтом завитые склянки с тягучей жидкостью (сто пятьдесят золотых за штуку) были для них экзотикой.

В общем, если говорить по-простому, у предводителя поехала крыша. Он стал буйным и утратил всякую осторожность. В конце концов не придумал ничего лучше, как напасть на воздушный транспорт, везущий в столицу золото. Тот факт, что корабли с таким грузом не делают остановок в степи, совершенно не смутил атамана. Он уже знал, как нарушить эту традицию. На дело взял только самых верных бойцов, готовых идти за ним до конца.

Когда корабль ночью летел над степью, с борта увидели горящую деревеньку. Снизу раздавался истошный визг, среди домов металась живые факелы. Не выдержав этого зрелища, капитан нарушил все мыслимые инструкции и отдал команду на спуск. Это стало роковой ошибкой.

Добыча была поистине королевской, но отношение местных к Угрю радикально переменялось. Мало того что он погубил деревню, так еще и ветер разнес огонь по степи – пожар уничтожил чуть ли не все посевы в округе. Угря возненавидели повсеместно. Теперь его гнали, словно дикого зверя. Из столицы прислали помощь. В конце концов атамана взяли живым.

Все это случилось лет семь-восемь назад. История была громкая, но не совсем по моему профилю. Помню, как начинался суд, но приговор уже не отслеживал – хватало других проблем. А оно, значит, вон как все обернулось. «Рассудит небо»... То есть Угря все эти годы держали в яме, ожидая, пока солнце заплачет. И вот этот день настал. Выходит, сегодня вечером... Когда именно? Ага, в семь часов. Да, в семь часов ожидается интересное зрелище.

Рядом бубнили:

– Что, кум, придешь сегодня?

– Так оно ж... Как же не прийти-то?

– И то верно, кум. Зажился этот червяк на свете, тьма ему в душу...

Толстая румяная тетка выскочила вперед и смачно харкнула прямо в глаза нарисованному Угрю. В толпе одобрительно загудели. К плакату шагнул конопатый паренек лет тринадцати. Он взял кусочек угля и, чувствуя полную поддержку собравшихся, большими корявыми буквами нацарапал поверх печатного текста: СДОХНИ! Его похлопали по плечу и отвесили поощрительный подзатыльник. Кум по соседству довольно крикнул.

А я застыл, не дыша.

Потому что пожелание на плакате было накорябано тем же почерком, что и надпись кровью на парусине. Как будто писал один человек.

Живи. Сдохни.

Сдохни. Живи.

В каком порядке это читать? Впрочем, тут и думать не надо.

Пожелание сдохнуть – это то, что происходит сейчас. А гадание всегда относится к будущему. Значит, будущее – «живи».

Угорь должен остаться жив.

Казнь отменяется.

И это моя задача.

Теперь, наконец, я понял. Да, мое присутствие повлияло на результаты гадания. Но я – не объект пророчества, а лишь его исполнитель. Инструмент, чтобы вмешаться в судьбу вот этого бородатого душегуба. Солнце не желает, чтобы он умирал. Почему? Я давно не задаю подобных вопросов. Я просто сделаю так, чтобы Угорь пережил этот вечер. Мой же разум до заката угаснет, как и обещал жрец.

Ты услышало меня, солнце.

Я благодарен.

Тебе, жрец, тоже спасибо. Если бы я сам тебя не зарезал, вернулся бы и угостил самогоном. Ну да ладно. Ты, я думаю, не в обиде. Душа при тебе, а что еще нужно просветленному старцу?

– Простите, сударь, – вежливо осведомился я у соседа, – а где у вас эшафот? Я, к сожалению, плохо знаю ваши края. Только сегодня прибыл.

– На «Добром Змее», позвольте полюбопытствовать?

– Вы совершенно правы.

– Прекрасный корабль!

– Опять же не могу с вами не согласиться.

– Да, да, превосходный! А эшафот у нас, изволите ли видеть, за городом. Выезжайте через западные ворота, а там уж рядом – на холме, справа от дороги. Будете сегодня присутствовать?

– Всенепременно, сударь! Всенепременно...

План действий сложился быстро – собственно, он был очевиден. Оставалась даже пара часов в запасе. Я решил истратить их с толком – разведать местность и поужинать напоследок. Хотел взять лошадь, но потом передумал. Городок небольшой, а спешить мне некуда. Пройдусь, подышу местной пылью, погляжу на людей.

Прогулочным шагом я за пятнадцать минут дошел до окраины. Крепостные стены в Белом Стане отсутствовали. Западные ворота, о которых говорил горожанин, оказались просто фигурой речи. Улица незаметно превращалась в проселочную дорогу и уходила в степь. Холм с эшафотом я, как было обещано, увидел издали. Хотел подойти поближе, но передумал – все и так понятно.

На выезде из города имелся трактир – довольно убогий. Впрочем, за изысками я не гнался. Толкнул тяжелую деревянную дверь. Внутри воняло сивухой. Солнечный свет с трудом проникал сквозь грязные окна. Публика была соответствующая – селяне в льняных рубахах, пропыленные гуртовщики и пара поддатых купчиков. Чавкали, пили светлое пиво и обсуждали главные новости, которых на данный момент насчитывалось ровно две штуки: плачущее солнце и предстоящая казнь Угря. Я прислушался. По первому пункту все сходилось на мысли, что будет худо – потому как оно ж понятно, что лучше точно не будет. Ну а бывшему атаману желали не откинуть копыта сразу, чтобы он сполна ощутил на собственной шкуре все оттенки солнечной скорби.

– Чего налить, сударь? – спросил у меня трактирщик. Вопреки расхожим стереотипам он был худой и бледный, словно постоянно недоедал. Захотелось даже оставить ему половину собственной порции.

– Пиво пока что, – ответил я. – Из мяса что предложишь?

– Барашка только что закололи, – при этих словах он поднял глаза к потолку, словно заклатие происходило на крыше. Но я понял правильно и кивнул.

– Света без пепла тебе, хозяин.

– И вам того же, сударь.

Я присел на табурет у стойки, взял кружку и разом выдул почти две трети. Блаженно зажмурился – пиво было холодное и хмельное. Еще раз обвел взглядом полутемное помещение, выбирая место, удобное для еды.

В этот момент отворилась дверь, и на пороге возникли те, кого я ожидал здесь увидеть меньше всего. Малышка из благородного рода, телохранитель и опекунша. Действительно странно – я был уверен, что они выберут дорогую гостиницу у причала.

Заметив меня, телохранитель резко остановился и – видимо, уже по привычке – схватился за рукоятку меча. Я вздохнул, еще раз глотнул из кружки и закусил сухариком. Мне, по большому счету, было начхать на его проблемы. Не нравится – может валить на все четыре стороны света.

Меченосец так и собрался сделать. Он что-то шепнул старой даме, указывая на выход, но та его не послушала. Качнула головой и величественно двинулась к стойке. Телохранитель состроил кислую мину и вместе с девчонкой потопал следом. Багажа у них не было. То есть вообще – ни сумки, ни чемодана. Как будто решение о поездке они приняли за минуту до старта и сразу кинулись на корабль. Так бывает, когда люди от кого-то бегут.

– Нам нужна комната, – сказала старая опекунша.

Хозяин, захлопав от удивления глазами, пролепетал:

– Сожалею, леди, свободных нет. Горячая пора нынче...

– А вы поищите, любезный, – от ее голоса пиво в кружке, как мне почудилось, стало покрываться ледком. – Ваши старания мы оплатим, само собой разумеется.

– Я... это... – вякнул трактирщик. – Извольте подождать, леди!

Он кликнул помощницу, чтобы та его подменила, а сам, откинув замызганный полог, ушел в пристройку. Опекунша же, обернувшись ко мне, проскрипела:

– Приятного аппетита, сударь.

Я чуть не подавился сухариком. Кое-как проглотил и ответил:

– Благодарю вас, леди.

– Вы тоже остановились в этом... гм... заведении?

– Нет, леди. Просто зашел поужинать. Коротаяю время до вечера.

– До вечера? А потом? Прошу простить, если мой вопрос покажется вам бестактным...

– Ну что вы. Место на ночь я уже подыскал, если вы об этом.

Строго говоря, я не погрешил против истины. Просто опустил некоторые незначительные детали. Например, о том, что речь идет отнюдь не о комнате в уютной гостинице, где утром можно спокойно спуститься к завтраку.

Дама намеревалась продолжить расспросы, но не успела. Дверь распахнулась снова, и в проем шагнул здоровенный тип – бритый наголо и в кожаной безрукавке вместо рубахи. Меч у него висел за спиной, а на левой скуле был вытравлен знак – две короткие косые полоски, черная и желтая. Цвета ястребиного глаза.

Он усмехнулся, оглядев посетителей, и посторонился. В трактир вошел еще один Ястреб, но уже не просто боец, а самый что ни на есть коренной представитель рода. Аристократ в неведомо каком поколении – длинные волосы, холеная кожа, почти не тронутая загаром, задранный подбородок. Пластинчатая кираса из живого металла с родовым гербом на груди. И взгляд, под которым ощущаешь себя, в лучшем случае, тлей капустной. Еще несколько бойцов шагнули через порог.

Все в трактире разом заткнулись – даже купчики сидели, разинув рты. Трое у стойки рядом со мной отреагировали по-разному. Девочка вздрогнула и прижалась к старухе, затравленно глядя на молодого аристократа. Старая дама тоже, кажется, растерялась – я видел, как ее костлявые пальцы сжали плечо воспитанницы. Только телохранитель сохранил хладнокровие. Видимо, в этот раз ситуация была для него понятной и однозначной. Он не дергался, не пытался что-то сказать и вообще не размышлял ни секунды, а просто сделал

молниеносное движение кистью, и короткий кинжал сверкнул, рассекая застоявшийся воздух.

Если бы здоровяк в безрукавке пробыл в трактире чуть дольше, то его глаза привыкли бы к полумраку после яркого солнца, и он успел бы среагировать на бросок. Но сейчас ему не хватило какой-то доли секунды, и кинжал вошел точно в горло. Мощное тело со стуком рухнуло на деревянный пол.

В следующее мгновение все задвигались очень быстро. Ястребы кинулись вперед, обнажив клинки. Посетители, роня лавки, порскнули в стороны, чтобы не попасть под удар. Телохранитель тоже выхватил меч. Двоих противников он буквально вспорол одним изящно-слитным движением. Пока они падали, ушел от удара третьего, а четвертому чиркнул острием клинка по бедру. Блокировал несколько ударов подряд и сам перешел в атаку.

Хищно лязгала сталь. Телохранитель ловко вертелся между столами. Меч его сверкал в полутьме, чертя убийственные зигзаги.

Это был образцовый бой. Трое уже лежали, а телохранитель не получил ни одной царапины. И все же в конце концов удача изменила ему – чужой клинок рассек ему кожу.

Рана была не смертельной, но затрудняла движения. Парируя выпад слева, телохранитель поскользнулся и припал на одно колено. Выставил меч, отбивая очередную атаку, и в эту секунду Ястреб, зашедший сзади, со всего маху рубанул ему по затылку.

Аристократ усмехнулся. Брезгливо ткнул носком сапога наполовину обезглавленный труп и повернулся к девчонке и ее спутнице. Произнес с ленцой:

– Итак, благородные дамы. Теперь мы можем поговорить?

Он шагнул ближе и протянул руку, словно собираясь погладить малышку по голове. Опекунша зашипела и рванулась к нему. Длинноволосый перехватил ее за предплечье и буднично, без всяких эмоций ударил кулаком по лицу. Старуха повалилась на пол.

Аристократ присел перед девчонкой на корточки. Несколько мгновений они смотрели друг на друга, не отрываясь. Наконец он сказал ей:

– Мелкая дрянь. Думала так просто сбежать?

Она всхлипнула и опустила голову. Но аристократ, взяв малышку за подбородок, заставил ее поднять взгляд. Девочка дернулась, но он держал ее крепко.

– Отпусти! – Она давилась слезами. – Отпусти, слышишь, ты! Обмылок!

Похоже, это слово что-то для него значило. Что-то конкретное и очень обидное.

Он вскочил на ноги. Маска холодного равнодушия дала трещину, и стало видно, что аристократ – совсем еще молодой парнишка. Лицо его пошло пятнами, а в глазах полыхнуло чистое, незамутненное бешенство. В эту секунду он себя совершенно не контролировал. Судорожно схватился за меч, замахнулся и рявкнул:

– Сдохни!

4

Скажу честно – не знаю, как я отреагировал бы, если бы длинноволосый ударил молча. Что поделать, я всего лишь «голем, лишенный души», как изящно сформулировал жрец. Меня мало интересуют дела людей, и я не вмешиваюсь в них, если не имею прямых инструкций. Сейчас ситуация меня никак не касалась. Мысли мои были заняты сменой циклов и предстоящей казнью. Но прежде всего я наслаждался спокойным осознанием того факта, что уже через каких-нибудь три часа я перестану видеть и этот город, и его обитателей, и бледное, словно запыленное небо, с которого тарашится желтый безумный глаз. Одним словом, резню в трактире я наблюдал спокойно, как беспристрастный зритель. Семейная разборка аристократов меня тоже не особенно волновала. Да, девчонку было немного жаль. Но судьба есть судьба. Ценность жизни под этим солнцем, мягко говоря, относительна – кому об этом знать, как не мне...

Но Ястреб, на свою беду, не сдержал эмоций. Мало того – он умудрился выбрать то единственное слово из всех, которое сейчас могло ему помешать.

Сдохни. Так было написано на портрете Угря.

Живи. Так звучала команда на парусине.

Простейшая инструкция, принятая мной к исполнению. Проще некуда. Тот, кому пожелали смерти, должен остаться жив.

Когда я услышал «Сдохни!», у меня сработал рефлекс.

Я подставил свой клинок под удар.

Звякнула сталь.

Аристократ не сразу осознал, что случилось. Он словно не видел, что его меч наткнулся на препятствие. Рычал, усиливая нажим. Потом в его лице появилось что-то осмысленное. Длинноволосый медленно перевел взгляд на меня. О, это впечатляло! Примерно так же он посмотрел бы, наверно, на ожившую табуретку, если бы та вдруг заговорила с ним о погоде.

– Ты!.. – У него не хватало слов, дыхание перехватило от ярости.

– Не нервничай, – сказал я. – И оставь в покое девчонку.

– Да как ты смеешь?

– Остынь, говорю. Выпей пива, оно холодное. И вали отсюда. Вместе со своими пернатыми.

Надо отдать ему должное – он быстро сумел овладеть собой. Понял, что обычный простолоудин не посмеет разговаривать таким тоном. Мой клинок, на лезвии которого мерцали фиолетовые разводы, тоже не ускользнул от его внимания.

Когда Ястреб снова заговорил, голос его звучал бесцветно и тихо. Он не угрожал – просто констатировал факт:

– Не знаю, кто ты. Но умирать ты будешь долго. Я обещаю.

– Тоже мне новость. Но ты здесь ни при чем, Ястреб.

– Посмотрим.

Он отступил на два шага и скомандовал:

– Взять!

Обычно я убиваю только в том случае, если это необходимо для дела. Быстро и без лишних эффектов. Но то, что я ощущал сейчас, походило на опьянение. Мне было легко и радостно, потому что этот длинноволосый юнец снял с меня ответственность за последствия. Одним-единственным словом он перевел себя в разряд тех, кто мешает предначертанию, и теперь принадлежал мне. И, да простит меня солнце, я больше не видел смысла быть аккуратным, потому что любые огрехи просто ничтожны на фоне того, что нас ожидает вечером.

Узор на моем клинке шевельнулся – словно отсветы молний пробежали по лезвию.
Живая сталь просила напоить ее.

Сделаем.

Краем глаза я уловил, как солнечный луч, проникший через окно, подсвечивает лиловую пыль, и мне подумалось, что вся эта сцена похожа на картинку из волшебного фонаря, который я однажды видел на ярмарке. Там свет от лампы, пройдя сквозь линзу, создавал в клубах дыма фантастические видения. Картины эти были красочны и заманчивы. Иногда они казались реальнее, чем те, что сейчас мелькали передо мной...

Первый боец атакует, но слишком медленно – словно застревает в лиловой взвеси. Я, сократив дистанцию, отсекаю ему руку по локоть. Он валится на пол. Другой пытается достать меня. Нагибаюсь, пропуская над собой блестящее лезвие. Бью с разворота. Мой клинок, разрубив доспех, доходит до позвоночника. Такие удары неэкономны, но сейчас я пьян, и мне хочется кромсать на куски. Выдергиваю клинок и, продолжая движение, впечатываю локоть в лицо еще одному противнику. Слышу отчетливый хруст костей.

Узор на моем мече становится ярче, как будто взбухают стальные жилы, наполненные фиолетовым светом. Сталь утоляет жажду. Вибрирует от восторга. Живет.

Удар, еще удар, блок. Смещаюсь в сторону, уклоняюсь, увертываюсь. Один из Ястребов, промахнувшись, подставляет мне шею. Не раздумывая, сношу ему голову. Рублю направо, налево, перед собой. Хлещет кровь, в ушах звенит от истошных воплей.

Последний боец, оставшийся на ногах, уже не думает об атаке. Поднимает меч, защищаясь, и мой клинок перерубает чужую сталь. Ястреб испуганно таращит глаза, но я уже снова бью, и лезвие с фиолетовыми разводами разваливает его почти надвое – от правой ключицы к левому боку.

Перевожу дыхание. Оглядываюсь вокруг.

Пол залит кровью, повсюду трупы. Отрубленная голова закатилась под лавку. Кто-то блюет в углу. Двое селян тихонько по стеночке крадутся к двери.

Длинноволосый аристократ, который не участвовал в драке, стоит напротив меня. Он бледен, но сохраняет хладнокровие. Меч вытаскивать не спешит.

Я вытираю свой клинок, который постепенно тускнеет, и спрашиваю:

– Ну что? Продолжим беседу?

Вообще-то, исходя из логики последних событий, мне следует его просто прикончить – без долгих объяснений и разговоров. Я начинаю поднимать меч, но рука наливаясь тяжестью, и волной накатывает усталость. Как будто судьба мне шепчет: «Хватит, ты сделал уже достаточно». Ну что же, я привык к ее странностям. Главное – сейчас этот хлыщ не причинит девочке вреда. А что будет в следующем цикле – уже не моя забота.

Он пятится и от двери бросает:

– Я запомню тебя. Найду и рассчитаюсь за все – кто бы ты ни был, человек или тварь из тени...

– Ага, удачи.

Сеанс окончен. Волшебный фонарь погас.

Я глянул на девочку. Она сидела под стойкой, сжавшись в комочек и прикрывая руками голову. Глаза открывать боялась. Очень правильное решение. Опекунша лежала рядом в неестественной позе – при падении ударила головой, и этого ей хватило. Отмучилась, в общем.

И что теперь?

Полог, закрывающий вход в пристройку, заколыхался. Я вздохнул и сказал:

– Выходи, хозяин.

Он молчал, затаившись. Пришлось прикрикнуть:

– Иди, говорю! Не трону.

Бочком, стараясь не глядеть в зал, трактирщик просеменил ко мне. Лицо его еще больше осунулось.

– Так, – сказал я. – Значит, первое – нужен плащ...

– А?

Я отвесил ему затрещину. Смачно, от всей души.

– Слушай меня, ты, лапоть. Будешь делать что я скажу...

– Да как же это, сударь! – запричитал он вдруг тонким голосом. – Как же мне теперь, скажите на милость? Трактир-то... И стража ведь шкуру снимет...

– Ну-ка, смотри сюда! – Я полез в кошелек. – Знаешь, на сколько это потянет?

Он если и не знал, то догадывался – по выражению лица было видно. Камешек у меня на ладони заманчиво отсвечивал рубиново-красным.

– Хватит на десяток твоих клоповников. И от стражи откупишься двадцать раз. Будет твой, если сделаешь все как надо. Иначе – голову отверну. Это ясно?

– Да, господин...

– Видишь вот ее? – Я кивнул на малышку, которая по-прежнему дрожала под стойкой. – Сейчас ты принесешь плащ. Ну или накидку, чтобы ее укутать. Это первое. Второе – фиалковый взвар, покрепче. Напоить ее. Третье – чистую рубаху мне. Четвертое – лошадь к черному ходу. Три минуты тебе. Пошел!

С трудом подавив желание отвесить ему пинка для придания нужной скорости, я содрал с себя заляпанную рубаху. На штанах кровь заметна меньше – они сами по себе темно-бурые. Присматриваться, надеюсь, никто не будет. Так, теперь следующая проблема. Я присел перед девчонкой и сказал как можно мягче:

– Не бойся. Не открывай глаза.

Не знаю, поняла ли она меня, но времени было мало. Я поднял ее на руки. Малышка взвизгнула и задергалась, но я не обратил на это внимания. Шагнул за полог. Споткнулся о какие-то ящики и, чертыхнувшись, двинулся по темному коридору. Вышел на задний двор. Там было грязно и воняло помоями. В дальнем углу валялся дырявый закопченный котел.

Я сообразил, что девчонка больше не трепыхается. Открыла глаза, разглядывает меня и молчит, а над ее лицом струится бледно-лиловый, почти бесплотный дымок.

– Не бойся, – повторил я. – Все уже хорошо.

– Я не боюсь, – прошелестел ее голос. – Я знаю, ты пришел спасти меня.

– Да, – ответил я, не особо вслушиваясь. Подумал, что если хозяин еще задержится, то я ему что-нибудь на прощание сломаю. Может, дверь, а может, пару-тройку костей.

Словно прочитав эти мысли, он выскочил из дома и подбежал ко мне. В одной руке держал глиняную кружку с отваром, в другой – ведро с водой. Рубаху тоже не забыл – застиранную, но чистую. Ладно, будем считать, что справился.

– Пей, – сказал я девочке.

Она послушно хлебнула. Отвар был хороший, трактирщик не поскупился. Пряный аромат заглушал даже помойную вонь. Я заставил малышку выпить все до последней капли. Лицо ее заметно порозовело, дыхание стало ровным, а глаза уже закрывались. Доза не совсем детская, но сейчас это лучший выход.

– Так, хорошо. Хозяин, поставь ведро. И поддержи девчонку.

Я быстро ополоснулся. Натянул рубаху, спросил:

– Где лошадь?

– Сюда, господин, – мотнув головой, хозяин затрусил со двора. Позади трактира обнаружился обширный пустырь. Слева он упирался в густой терновник, справа торчали глинобитные хаты – там уже начинался город. Тощий паренек – надо полагать, сын трактирщика – держал под уздцы кобылку, которая тоже не отличалась особой статью. Впрочем, я и не ожидал, что мне достанется огнедышащий жеребец.

– Держи, – я сунул камень хозяину. – Будут спрашивать, что здесь произошло, расскажешь чистую правду. Пришел, мол, какой-то хмырь, порубил всех в капусту, лошадь отобрал и уехал. Ну или сбрешешь что-нибудь. Разберешься.

Запрыгнул в седло и принял девчонку. Прикрыл ее накидкой, а шляпку выкинул. Ну вот теперь не сразу распознаешь аристократку – по крайней мере издалека.

Я поехал через пустырь. Миновав терновые заросли, оглянулся. Из города по дороге кто-то пылил. Стражники? Похоже на то. Но пока они заглянут в трактир, пока налюбуются тамошними красотами и допросят хозяина, я уже буду достаточно далеко. Заеду в гости к одному человечку. Век бы его не видеть, но что поделаешь – обстоятельства. Больше девчонку доверить некому, а она теперь должна жить. Как и Угорь, которого мне еще предстоит спасти от солнечной казни. Нити их жизней, что могли оборваться сегодня вечером, уже вплетаются в новый узор грядущего. И солнце скрепляет этот узор слезами...

Где живет Репей, я помнил смутно. В прошлый раз мы ехали к нему ночью – к тому же из центра города. Но вот кабак, где он отирается, я, пожалуй, отыщу без подсказок. Разумеется, есть риск, что этого гаденьша давно прищучили стражники. Или обманутые подельники прирезали в переулке. Но попробовать в любом случае надо. Если не выгорит – буду думать.

Поплутав минут двадцать, я выбрался куда следует. Переулок выглядел неуютно. Приземистые мазанки жались одна к другой, ставни были плотно закрыты. Ветер поднимал дорожную пыль и швырял ее мне в лицо. Прохожих не наблюдалось, только белобрысый пацан стоял в тени иссохшей акации, привалившись спиной к стволу и лениво лузгая семечки. Мазнул по мне взглядом и отвернулся с подчеркнутым равнодушием. Конспираторы, тьма им в zenки.

– Эй, малой, – позвал я, – а ну-ка, поди сюда.

– Чего это?

Я показал ему серебряную монету. Он приблизился с независимым видом.

– Знаешь Репья?

– Какого еще Репья?

– Вижу, что знаешь. Он здесь?

Пацан неопределенно пожал плечами. Это можно было расшифровать: «Не ведаю, о чем вы, барин, толкуете». Или наоборот: «А где ж ему еще быть?» Второй вариант показался мне более вероятным.

– Лови, – монетка, что я бросил, моментально исчезла. – Приведешь Репья – получишь еще одну. Дело срочное. Скажешь два слова: «Желтый ручей». Он поймет. Ну чего стоишь? Мухой!

Белобрысый порысил в сторону кабака. Удачно он подвернулся – не идти же мне туда с юной аристократкой в охапку. Я приподнял край накидки. Глаза у малышки были закрыты. Отлично, пусть спит – мне меньше хлопот. Надеюсь, в ближайшее время не проснется.

Я терпеливо ждал. В другом конце улицы показались два мужика в одежде мастеровых. Они шли, шатаясь и поддерживая друг друга. Добрели до кабака и ввалились внутрь. Потом зашел дядя неожиданно приличного вида. Но наружу никто до сих пор не выбрался. Не смылся ли Репей часом? Нет, это вряд ли. Он осторожный, гад, зато жадный до невозможности.

Так, а вот, кажется, и он. Правда, не со стороны кабака. Это у него издержки профессии – любит со спины подбираться. Или он действительно думал, что я его не замечу?

– Выходи, Репей, – сказал я, не повышая голоса. – Хватит дурью маяться. Тоже мне, рысь в засаде. Огородами крался?

Калитка одного из домов приоткрылась. Невзрачный типчик – маленький, щуплый, с жидкими волосами – выскользнул на улицу и настороженно огляделся. Царапнул меня колючим взглядом и произнес:

– Ну надо же... А я уж грешным делом надеялся, что не свидимся. Думал – сгинул, да и с концами. Ага, куда там. Приперся и сидит, хрен под яблоней...

– Заткнись, – попросил я вежливо. – Давай без лирических отступлений. Времени мало. Нужны твои услуги. Платить буду сразу. Много.

– Понятно, что не два медяка. Да только знаю я, во что с тобой можно вляпаться. За такое и мешка золота мало будет.

Я вытащил второй рубин из моих запасов (на этот раз покрупнее) и бросил его Репью. Усмехнулся про себя – сегодня я прямо как добрый король из сказки, что раздавал прохожим самоцветы на улицах. Ну да ладно, мне они уже не понадобятся.

– Плату ты взял, Репей. И отказаться теперь не можешь.

– С чего бы это?

– С того, что иначе я воткну кинжал тебе в глаз. С этим понятно? Так, теперь слушай, что нужно сделать.

Я слез с лошади, осторожно снял девочку.

– Ты спрячешь ее от Ястребов. И от стражи. Спрячешь от всех, ты понял? Твоя задача – доставить ее в предгорья. После этого...

Но Репей, взглядевшись в лицо малышки, вдруг отступил на шаг.

– Чего ты?

– Издеваешься, что ли? Она ведь...

– Стоять, – сказал я, заметив, как он оглядывается на ближайшую подворотню. – Да, она из них, все верно. Но это ничего не меняет.

– Что значит «не меняет»?! Они же, если узнают, меня за яйца подвесят!

– Репей, – произнес я ласково, – подумай головой для разнообразия. Пронюхают Ястребы или нет – это теперь от тебя зависит. Сохранишь все в тайне – живи и радуйся. Но я-то точно знаю, с кого мне спрашивать, если с ней что-нибудь случится. А спрашивать я умею. Или тебе про ручей напомнить?

Он сглотнул слюну.

– Вот и ладно, – я не стал уточнять, что через пару часов меня уже здесь не будет. Зачем лишать человека стимула?

Девочка вдруг очнулась, подняла голову и посмотрела на Репья мутным взглядом. Потом перевела глаза на меня и спросила тихо, почти неслышно:

– Как тебя зовут?

– Это неважно, – ответил я. – Мы больше никогда не увидимся.

– А этот... Обмылок... Ты убил его?

– Нет.

– Правильно. Я сама.

И опять погрузилась в сон.

5

Я снова покидал город – на этот раз по другой улице. Здесь мне нравилось больше. Дома уже не лепились один к другому, а между ними буйно разрастались сады. Фруктовые деревья тянули ветки из-за заборов, и листва, как мелкое сито, просеивала солнечный свет. Люди, укрывшись в тени, судачили и громко перекликались. Те, кто постарше, озабоченно хмурились, поглядывая на солнце. Молодые, напротив, пребывали в радостном возбуждении. Я усмехнулся. В юности кажется, что все перемены к лучшему. Сомнения приходят несколько позже.

Многие, сбившись в группы, отправлялись в сторону ратуши. Девушка с разноцветными лентами в волосах, идущая под руку со здоровенным парнем, встретила со мной взглядом и вдруг улыбнулась светло и радостно. Я машинально улыбнулся в ответ. Даже коня придержал, чтобы полюбоваться ею подольше. Что-то происходило со мной – в груди защемило, а к горлу на миг подступил комок. Как будто шевельнулась душа, которой я не имею...

Я тряхнул головой и двинулся дальше. Прокрутил в голове события последнего часа. Вроде бы все сделано правильно. Когда малышка заснула, я дал Репью еще несколько коротких инструкций. Кроме рубина, оставил ему и деньги. Дальше сам разберется – что-что, а прятаться он умеет. Скорей всего, про нашу встречу станет известно (глаза есть даже у стен), но несколько часов форы Репей получит. Хорошо, что сегодня вечером у стражи хватает других забот. Например, следить за порядком во время казни. А завтра... Пусть ночь переживут для начала. Еще неизвестно, что они с утра здесь увидят.

Поравнявшись с последним домом, я придержал кобылу. Имеет ли смысл сразу ехать к эшафоту? Пожалуй, нет – туда весь город припрется. Некоторые наверняка уже места занимают. Я, пожалуй, потихоньку двинусь в ту сторону, но к холму подъезжать не буду. Расположусь поодаль – ну, скажем, за четверть лиги. Пока Угря пригонят из города, пока будут речи толкать – посижу, подожду спокойно. Самое интересное без меня не начнется...

Так, секунду, а это что?

Внимание привлекли две темные точки в небе. Я присмотрелся и узнал силуэты. Широкие крылья и седоки на спинах – не ошибешься при всем желании. Род Ястреба не зря носит такое имя. Их стихия – воздух, их слуги – птицы. Не синички, конечно, и не воробышки, а хищники с клювами тверже стали. Наверно, птицы были на корабле. А теперь их, значит, пустили на охоту за мной? Больше вроде и не за кем.

Нет, это глупо. Седоки не знают меня в лицо. А если б даже и знали – с высоты не очень-то разглядишь. Тем более в плотной толпе народа. Сколько в городе жителей? Тысяч пятнадцать, я думаю, наберется. Так можно неделю кружить, высматривая. И вообще, где гарантия, что я на улице, а не в доме?

Но птицы явно держали курс на меня. Чувствуя беспокойство, я укрылся за старой липой, что росла на обочине у дороги, и стал наблюдать сквозь ветки.

Потом я услышал крики – точнее, заполошные вопли с дальнего конца улицы. Перевел взгляд с неба на землю и почувствовал, как по спине прошел холодок.

Между заборов, распахнув клыкастую пасть и едва не сшибая хвостом деревья, неслась гигантская пурпурно-черная туша. Когтистые лапы шлепали по земле, взбивая серую пыль.

Я успел подумать, что эта сцена войдет в историю городка. Подробности будут детям рассказывать. Еще бы! Твари вроде той, что прет сейчас на меня, чрезвычайно редки. Их наберется с десятков на континенте – пять штук в распоряжении королевского рода, еще три, кажется, у Волков, ну и пара-тройка у Ястребов. Как вышло, что она оказалась в этой глуши?

Причем именно сегодня одновременно со мной? Похоже, новый узор, что возникает сейчас на ткани судьбы, сложнее, чем могло показаться...

Вараны могут воспринимать простые мысленные приказы и при этом обладают уникальным чутьем. Это не обоняние, а нечто гораздо более тонкое, недоступное человеку. Бьюсь об заклад, что хозяин рептилии – длинноволосый аристократ. Он, значит, послал свою зверушку искать меня, а следом за ней полетели птички.

Дальше рассуждать было некогда. Лошадь подо мной, завидев приближение твари, шарахнулась и дико заржала. Понимая, что толку от нее сейчас нет, я прыгнул на землю. Кобыла унеслась куда-то в чистое поле, а рептилия метнулась ко мне.

Я бросился в сторону, укрываясь за деревом. Лапа с чудовищными когтями едва не снесла мне голову. Варан, пытаясь затормозить, уцепился хвостом за ствол. Дерево затрещало, меня обсыпало листьями. Я дернул из ножен меч. Разводы на лезвии наливались фиолетовым светом.

Как только рептилия развернулась ко мне, я взмахнул клинком крест-накрест перед собой. Эти зверюги воспринимают живую сталь иначе, чем люди. Я примерно догадывался, что сейчас увидел варан – воздух между нами как будто вспороли огненным когтем. Варан замешкался с броском на долю секунды, и я опять успел уклониться.

Рептилия проломила забор и врезалась в стену дома. Я прыгнул за ней и попытался рубануть по хвосту. Не вышло – тварь ловко крутанулась на месте и щелкнула зубами у меня перед носом. Я попятился, отмахиваясь мечом. Фиолетовое мерцание отвлекало зверюгу, но она упрямо лезла вперед. Хвост метался, как толстенная плеть, сбивая со стен штукатурку и доламывая остатки забора.

Я юркнул за угол и, как ошпаренный, кинулся во внутренний двор. У меня имелось лишь одно преимущество – варан был слишком велик, и деревья, окружавшие дом, мешали ему как следует разогнаться. Рассерженно шипя, рептилия ломилась за мной. Я еще раз резко свернул и увидел перед собой пристройку с закопченным окном. Прикрыл лицо руками и, не раздумывая, прыгнул вперед. Хлипкая рама хрустнула, зазвенело стекло, и я провалился внутрь, чувствуя, как кожу секут осколки.

Зверь, вылетевший в эту секунду из-за угла, с трудом затормозил, терзая землю когтями. Варан заметил, как я сиганул в оконный проем, и тут же дернулся следом. Если бы он ударил с разбегу, то просто снес бы пристройку. Но сейчас получилось, что башка пролезла в окно, а туловище осталось снаружи. В глазах у варана мелькнуло недоумение. Понимая, что другого шанса не будет, я вложил всю силу в удар. Мерцающий клинок описал полукруг и опустился точно в основание черепа.

Голова рептилии со стуком повалилась на пол.

Да уж.

Настырная была ящерка.

Шустрая.

Не успел я вытереть пот со лба, как за окном захлопали крылья, и тень упала на двор. Летуны решили проверить, как их зверушка выполнила работу.

Я аккуратно приоткрыл дверь и вышел наружу. Обе птицы сразу сесть не могли – дворик был слишком тесен. Поэтому приземлилась только одна. И на спине у нее восседал тот самый длинноволосый, с которым мы так мило побеседовали в трактире.

Не утерпел парнишка. Ну и дурак.

Он не сразу меня заметил – круглыми глазами глядел, как конвульсивно подергивается хвост у варана, потерявшего голову. Птица, едва-едва сложившая крылья, тоже косилась на издохшую тварь. Момент был слишком удобный. Быстро шагнув вперед, я коротко размахнулся, и мой клинок погрузился в перья.

Птица завопила так громко, что я едва не оглох. Не успел отскочить, и она сшибла меня крылом. Я отлетел за пристройку, ударился обо что-то затылком.

Крылатая громадина металась в агонии – билась о стену, теряя перья, подпрыгивала, пытаясь взлететь, но не могла удержаться в воздухе. Кровь заливала двор. Оконные стекла дребезжали от визга. «Интересно, а хозяева дома?» – подумал я ни к селу ни к городу.

Наконец, движения птицы начали замедляться. Она повалилась на землю, крылья бес- сильно раскинулись по траве. Крик превратился в жалобный клекот, а потом и вовсе затих.

Аристократ распластался на спине у несчастной птахи и намертво вцепился в поводья. Я, поднявшись на ноги, подошел и встряхнул его:

– Скажи второму, чтобы летел отсюда.

– Что?..

Я ткнул пальцем в небо, где кружился второй летун:

– Пусть убирается. Тогда я не убью тебя. Даю слово.

Аристократ обжег меня взглядом, но все же махнул рукой, привлекая внимание компа- ньона, и что-то показал ему знаками. Тот не верил и готовился спикировать к нам, несмотря на риск переломать кости. Но длинноволосый гаркнул:

– Проваливай! На корабль!

Летун нарезал еще пару кругов и пропал из виду. Я выдернул молодого Ястреба из седла и подтолкнул к стене.

– Я сказал, что не убью тебя. Это правда. Но, видишь ли, есть нюанс. Меня сегодня слишком часто называли тварью из тени. Целых два раза, если быть точным. Это накладывает определенные обязательства.

– И что же ты сделаешь, тварь?

Он смачно плюнул мне под ноги. Я вздохнул и достал кинжал.

Выходя со двора, я коротко обернулся. Аристократ лежал у стены, зажимая руками шею под кадыком. Он часто дышал, издавая горлом булькающие звуки. Кровь проступала сквозь пальцы, но ее было совсем немного – я резал аккуратно, не задевая вен и артерий. Лиловая пыль вертелась над раной маленьким смерчем. Глаза у Ястреба закатились, кожа на лице посерела. В общем, выглядел он неважно, но помирать как будто не собирался. То, что он сейчас потерял, было в его жизни, похоже, не самым главным.

Я побрел прочь из города, на ходу доставая флягу. Выйдя в поле, увидел свою лошадку – она была смиренная и далеко убежать не стала. Покосилась на меня с недоверием, но позво- лила подойти. Я потрепал ее по холке в знак благодарности и забрался в седло.

Когда впереди показался холм, я понял, что успеваю на казнь. Приехал даже раньше, чем надо. По дороге из города потоком двигались люди. Угря отсюда было не разглядеть, но ярким пятном выделялся флаг во главе процессии – лазоревый с алой полоской поверху, словно заря над морем. Родовые цвета династии, которая правит на континенте.

Многие зрители уже торчали вокруг холма. Они бы, наверно, расселись прямо на эша- фоте, но их отесняли стражники. Голоса сливались в неясный гул, похожий на шум прибора.

Ближе я подъезжать не стал. Спешился и сказал кобылке: «Иди домой». Хлопнул ее по крупу в качестве подтверждения. Кажется, она поняла. Фыркнула и поплелась к домам на окраине. Я уселся на землю под терновым кустом и еще раз глотнул из фляги. Предзакатное солнце ярко освещало возвышенность с эшафотом.

Угря наконец-то довели до вершины. Сверкали кирасы стражников. Звук трубы разнесся над степью, и гомон постепенно затих. Голос герольда зазвучал в тишине, но слов отсюда было не разобрать. Впрочем, и так понятно – зачитывали текст приговора. Мелькнуло желто- белое одеяние жреца.

Возня на вершине продолжалась еще достаточно долго. Потом официальные лица направились вниз по склону. Процессия с флагом потянулась обратно к городу, но зеваки по-прежнему стояли вокруг холма. Надо думать, адресовали Угрю прощальные пожелания. Я откинулся на спину, положив под голову руки. Почему-то вспомнилась девушка с лентами в волосах, которую я видел на окраине города, и опять защемило сердце. Небо было пустым и блеклым.

Я лежал так около получаса. Потом поднялся. Толпа уже практически рассосалась. Самых упорных стражники подгоняли к дороге. Когда вокруг эшафота не осталось ни единого человека, я пошел вперед.

Ветер дул в спину, зеленые волны, обгоняя меня, бежали к холму. Я почти добрался до подножия, когда на вершину выскочили трое мальчишек. До этого прятались в кустах и ждали, пока уйдет стража. Один из пацанов приспустил штаны и помочился на эшафот. Его поддержали одобрительным ржанием. Закончив дело, малолетние хулиганы бросились по склону к дороге. Правильно, люди, лучше вам поспешить. Скоро уже начнется.

Я взобрался на вершину и огляделся. Эшафот представлял собой плиту, лежащую на земле. Угря приковали к ней за руки и за ноги – лицом к небу. Перед казнью его отмыли и переодели в чистое. Меня это откровенно порадовало – представляю, как он благоухал после стольких лет, проведенных в яме. На белой рубаше, правда, растекся привет от юных поклонников, но это было не так уж страшно. Спасибо, что кучу не навалили.

На мое появление Угорь никак не отреагировал. Лежал и тихо поскуливал. Глаза бессмысленно тарачились в небеса, кожу густо покрывали рубцы. Дознаватели постарались.

По-моему, лучше бы он все-таки сдох. Но судьбе, конечно, виднее.

Мой клинок, покрытый фиолетовыми разводами, легко перерубил железные цепи. Угорь этого не заметил. Тогда я рывком поднял его на ноги и развернул лицом на закат. Солнце уже коснулось линии горизонта, и на малиновом диске отчетливо темнели крупные слезы.

– Смотри на него, – сказал я Угрю. – Оно не хотело, чтобы тебя казнили. Теперь иди к нему. Оно подскажет дорогу.

Бывший атаман глядел, не мигая, и закатный огонь отражался в его глазах. Я легонько подтолкнул Угря в спину, и он, спотыкаясь, побрел по склону холма. Может быть, мне следовало сопровождать его до конца? Он ведь ничего не сообщает, а ему надо срочно найти убежище.

Нет. Угорь сейчас – безвольная кукла, и в этом, как ни странно, его главное преимущество. Потому что куклу, неспособную думать, судьба ведет напрямую. Если поблизости есть нора, в которую можно спрятаться, то он на нее наткнется. Главное было освободить его от цепей. Я это сделал. Больше он во мне не нуждается.

Я стоял на эшафоте, глядя на запад, пока солнце не свалилось за край степи. Потом отошел на пару шагов и лег на теплую землю. Лиловая взвесь, дрожащая в воздухе, теперь была отчетливо различима. Она уплотнялась и, словно дым от костра, поднималась к небу. Пыльные жгуты переплетались, сливаясь в темные облака и разбухая. Дышать стало трудно, голова у меня кружилась, и на какое-то время я отключился. А когда снова открыл глаза, просветы между облаками исчезли – все небо от края до края было как войлок.

Мне пришло в голову, что я, наверно, единственный на всем континенте, кто наблюдает эту картину. Остальные уже забились в подвалы. Интересно было бы глянуть сейчас на город – пустые улицы, обезлюдевшие базары, трактиры, где нет ни единого посетителя. Корабли без команд, застывшие на голом причале...

Я вытащил меч из ножен и отбросил его в траву. Не знаю, что будет в следующем цикле. Я ухожу, но мое место займет другой. Клинок найдет его, когда придет время. Этот другой, наверно, узнает, зачем Угрю сохранили жизнь. Он увидит, что стало с длинноволосым ари-

стократом. Встретит повзрослевшую девочку, которая сегодня ускользнула от Ястребов. Но все это уже без меня...

Первые капли упали с неба, и я зашипел от боли. Меня как будто ошпарили кипятком, который не желал остывать, а, напротив, жег все сильнее. Кожа трескалась и облезала кло-чьями, а жидкий огонь проникал все глубже. Он жрал меня заживо, а я орал и смеялся, пока не угас мой разум.

Часть вторая Предгорья

1

Фиалки зацвели за день до осенней ярмарки. Игнорируя законы природы, пробились сквозь остывшую землю и распустились на сжатом пшеничном поле – все разом, в один момент. Лепестки едва заметно светились и дрожали на ветру – казалось, на пожухлой стерне танцуют язычки холодного пламени. Что-то неестественное, неправильное было в этом мерцании, и мелкая живность, чуя подвох, разбежалась и попряталась в норы. Даже птицы, которые вчера во множестве копошились среди жнивья, споря за уцелевшие зерна, сегодня исчезли, словно их сдуло ветром, и теперь над полем висела прозрачная тишина. И еще был запах, сладковатый и едва ощутимый, как будто в промозглую сырость добавили каплю меда.

Первым эту сладость уловил на рассвете знахарь – старик, живущий на выселках. Выйдя из избы по нужде, он остановился и втянул носом воздух, как гончая на охоте, а потом подпрыгнул, всплеснул руками и, тряся бородищей, кинулся будить свою ученицу – рябенькую долговязую Мирку. Та не сразу сообразила, в чем дело, и долго лупала глазами спросонья, пока дед, окончательно потерявший терпение, не пригрозил отходить ее хворостиной. Девчонка прониклась, сунула ноги в чеботы и, поминутно охая, выбежала на улицу. Знахарь, чертыхаясь, догнал ее, обозвал раззявой и сунул в руки большой холщовый мешок, припасенный специально для таких случаев, после чего Мирка потрусилась, наконец, по дороге.

За полчаса она успела обежать полтора десятка домов, где жили незамужние девушки. Те, услышав, в чем дело, взвизгивали, наскоро одевались и бросались к подругам. Скоро весь городок гудел, как растревоженный улей. Девушки с мешочками, клацая зубами от холода, спешили туда, где над полем разливался холодный свет. Многие жевали на ходу, потому что дома завтракать было некогда – цветы следовало собрать до полудня.

Ясень наблюдал весь этот переполох с некоторой долей злорадства. Его сестренку с домашним прозвищем Пчелка тоже, естественно, разбудили, и она от избытка энтузиазма первым делом перевернула ведро, получив от матушки воспитательный подзатыльник. Но несколько из-за этого не расстроилась и через минуту уже мчалась в первых рядах. Впрочем, и невеста Ясеня, Звенка, не отставала.

Спустя несколько часов, когда до полудня осталось совсем недолго, Ясень оседлал жеребца и поехал в сторону заветного поля. Было пасмурно – солнце не показывалось уже несколько дней, и пейзаж вокруг нагонял тоску. Ветер брезгливо шевелил побуревшую траву на обочине. Копыта глухо чавкали по раскисшей дороге.

Ясень обогнул приплюснутый лысый холмик и, наконец, увидел стерню с фиолетовыми цветами. Зрелище действительно было странное – словно кто-то разбросал самоцветы на ветхом, давно не стиранном покрывале. Ясень подумал, что интересно было бы глянуть на это сверху. К примеру, с палубы воздушного корабля. Но корабли здесь давно уже не летали.

Фиалок в этот раз оказалось много, просто на удивление, и, в общем, было понятно, что все собрать не удастся. Девушки, опустившись на корточки или просто став на колени, бережно разгребали руками влажную землю, чтобы вытащить цветок вместе с корнем. Даже дышать боялись – лишь бы фиолетовый огонек не угас, а продолжал танцевать в ладонях. Очистив корень от грязи, укладывали фиалку в мешочек и переползали к следующему цветку – молча, не глядя по сторонам, как будто весь окружающий мир утратил для них значение, и осталось только прохладное мерцание перед глазами.

Конь под Ясенем, озадаченный этой картиной, остановился на краю поля. Он, конечно, не заржал от испуга (это было бы ниже его достоинства – не кляча ведь, которая возит телегу с сеном, а клыкастый перерожденный скакун), только фыркнул недовольно и осуждающе. В тишине этот звук прозвучал на удивление громко. Светловолосая девчонка, сидевшая к Ясеню ближе всех, недоуменно подняла голову и несколько раз моргнула, как будто не сразу сообразила, кого она видит перед собой.

– Привет, – сказал Ясень. – Звенку не видела?

– Ч-чего?..

Другие девицы тоже зашевелились. Распрямляли спины, с интересом поглядывали на гостя.

– Что, красавец, помочь решил?

Вокруг захихикали. Ясень не успел заметить, кто к нему обратился, поэтому ответил, важно глядя поверх голов:

– Не помочь, а проконтролировать.

Смешки стали громче.

– И то верно, куда ж мы, курицы, без догляда!

– Ты уж объясни, не побрезгуй – может, я чего не так делаю?

– А веночки плести научишь?

Ясень снисходительно улыбался, пережидая этот фейерверк остроумия, но тут из-за кустов у дальнего края поля показался старичок-знахарь. Он бежал, прихрамывая и грозя кулаком, а лицо его пылало праведным гневом. Смех прекратился, кто-то ойкнул испуганно. Старик, наконец, добрался до Ясеня, но так запыхался, что еще минуту не мог ничего сказать, а только беззвучно открывал рот и пучил глаза. Наконец, слегка отдышавшись, прокаркал:

– Ты что же, поганец, стыд совсем потерял? Нет, ну это ж надо, темень кротовая, на девичье поле приперся! Бугай здоровый, а ума ни на грош! А ну развернул конягу и дуй отсюда!

Конь сердито оскалился, а Ясень сделал честные глаза и кротко ответил:

– Так ведь полдень уже, почтенный.

И, словно в подтверждение его слов, огоньки фиалок на мгновение вспыхнули еще ярче, а потом вдруг разом угасли, как будто иссяк подземный источник, из которого корни черпали свет. Цветы бледнели и увядали, зеленые листья съеживались, теряя бархатистую мягкость, и вскоре стали совершенно неразличимы на фоне подгнивающего жнивья. Медовый аромат испарился, и в воздухе запахло прелой соломой.

– Ну вот, – сказал Ясень, – теперь уже можно, правда?

Он тронул поводья, но жеребец все не решался перейти на стерню – топтался на месте, всхрапывал и беспокойно прыгал ушами. «Ну что ты? – укорил его Ясень. – Боишься, что ли? Дамы же смотрят». Дамы в измазанных юбках польщенно заулыбались, а конь, возмущенный нелепыми подозрениями, дернул головой и решительно попер через поле. Знахарь что-то еще бухтел за спиной, но Ясень уже не слушал, потому что увидел Звенку.

Она стояла, оперев руки в боки, смотрела на всадника и молчала. Только когда он подъехал почти вплотную, покачала головой и произнесла:

– Явился.

Ясень безмятежно пожал плечами, глядя на нее сверху вниз. Маленькая и ладная, с иссиня-черными волосами, заплетенными в короткую косу, Звенка была красива, но совсем не той красотой, о которой поют в балладах. «Бледная нега» и «ланиты, пунцовые от смущения» – это не про нее. У Звенки лицо загорелое, носик вздернут, глаза немного раскосые – в предках явно имелся кто-то с восточного побережья. Смотрит насмешливо и при этом чуть-чуть наклоняет голову, как будто хочет сказать: «Ага, конечно, ври больше».

– Ну что, – спросил Ясень, – много насобирала?

Звенка фыркнула и с некоторым усилием подняла с земли свой мешок. Ясень нагнулся, отобрал его и взвесил в руке. Фиалки – это, конечно, не камни и не дрова, но и не лебяжий пух, легкий, как дуновение ветра. Стебли и листья набухли влагой, и мокрая зелень просвечивала сквозь ткань.

– Пить хочешь?

Он дал ей флягу. Звенка отряхнула ладони, вынула пробку и сделала несколько жадных глотков. Потерла шею, с наслаждением потянулась и несколько раз притопнула, чтобы размять затекшие ноги. Вместо юбки на ней сейчас были мешковатые замызганные штаны – конфисковала, наверно, утром у кого-то из братьев, причем без спросу. Звенка была единственной девчонкой в семье и к лишним церемониям не привыкла.

– Залезай.

Опершись на его руку, она легко запрыгнула на коня. Ясень посадил Звенку перед собой и приобнял небрежно. Девушки вокруг стреляли глазками и о чем-то шептались.

– Так, – сказал Ясень, – а сестричка моя куда подевалась? Что-то не вижу.

– Не в ту сторону смотришь, – сказала Звенка. – Вон, руками машет.

Пчелка и правда размахивала руками, как мельница. А еще она подпрыгивала, смеялась и едва не лопалась от восторга. Ясень вспомнил, что это ее первый поход за мерцающими цветами. В прошлом году, когда зажегся фиолетовый свет, она была еще маленькая и очень переживала по этому поводу.

Подъехав ближе, Ясень взял у сестры мешок. Поинтересовался:

– Ну как, довольна?

– Ой, ты не представляешь!.. Я дотронулась – и такое сразу тепло, и еще щекочет как будто, только не снаружи, а изнутри, и свет, он ведь тоже не холодный совсем, это только кажется поначалу, а на самом деле он как зимой от печки, волна такая идет, от сердца к животу, а потом...

Она запнулась и покраснела, а Звенка, засмеявшись, сказала:

– Не старайся, все равно не поймет.

– Куда уж мне, – согласился Ясень.

– Поздравил бы сестру, – напомнила Звенка. – Все тебе подсказывать надо.

– Глупый он, – согласилась Пчелка.

– Глупый, зато на лошади, – назидательно сказал Ясень. – А ты пешком топай. Ладно, дома увидимся.

Конь неспешно шел через поле, девушки с завистью смотрели на Звенку, а Ясень беззаботно насвистывал, пока у края стерни их не остановил старый знахарь. Он уже не брызгал слюной, а смотрел даже с некоторым сочувствием. Вздохнул и сказал негромко:

– Ты, шельмец, не думай, что тебе это с рук сойдет. Понятно, коли солнце мозгами не наградило, то разговоры без толку. Даже время тратить на тебя не хочу. Только помни, что доиграешься ты, жеребчик, доскачешься. И так тебе тошно станет, что впору головой об стенку стучать, да ведь не поможет, вот в чем беда...

– Учитель, учитель! – Долговязая Мирка подергала старика за рукав.

– Ну чего тебе? – рыкнул тот, обернувшись.

– Нам бы, это... Домой бы надо... А то я столько насобирала, что до вечера не управимся. Мешок чуть не лопадется...

Знахарь сверкнул на нее глазами, и Мирка испуганно втянула голову в плечи. Казалось, старик сейчас заорет и отвесит ей оплеуху, но он сдержался – только сплюнул в сердцах, развернулся и пошел прочь.

– Спасибо, Мирка, – подмигнул Ясень, – я твой должник.

Девчонка потупилась. Ясень махнул рукой на прощание и пустил коня размеренной рысью. Когда поле с цветами скрылось из виду, Звенка с насмешкой произнесла:

– Ишь ты, на каждом шагу у него поклонницы. Одна другой краше.

– Ты это про Мирку, что ли?

– Ну а про кого же еще? Как она влюбленными глазами смотрела, прямо хоть картину пиши. Чем тебя не устраивает? Высокая, длинноногая...

– Ревнуешь?

Звенка стукнула его локотком. Ясень засмеялся и обнял ее крепче. Несколько минут они ехали молча, потом Звенка сказала:

– Но ты и правда совсем уже... Я, как тебя увидела, аж глазенки протерла. Думала, цветочков нанюхалась и сплю наяву. Старый хрен вообще копыта чуть не откинул. Он тебе припомнит еще. И отцу расскажет, как пить дать.

– Да и тьма бы с ним, – легкомысленно сказал Ясень. – Ярмарка начинается, не забыла? Выберут нас, и жизнь совсем другая пойдет. Сюда возвращаться я точно не собираюсь.

– А если не выберут? – тихо спросила Звенка.

– То есть как? – Он даже поперхнулся от удивления.

– А вот так вот – просто не повезет.

– С чего это вдруг?

– Не знаю, – сказала она с досадой, – только беспокойно мне что-то. Твои дружки вон сегодня за околицу ни ногой. Да что там за околицу – из дома носа не кажут. Боятся, что удачи не будет. А ты – прямо к нам на поле. Не страшно деву-судьбу дразнить? Она ведь и обидеться может.

– Да ладно тебе, – поморщился Ясень. – Ерунда все это. То есть не то чтобы совсем ерунда, а как бы тебе сказать... Ну дева-судьба, к примеру... Что ей, больше заняться нечем, как за нашим жнивьем смотреть? Ей бы в столице управиться, с принцами да принцессами. Я бы на ее месте в нашу дыру вообще не совался. И вообще, ты же видела, я к полудню все подгадал и потом только на поле заехал.

Звенка обернулась к нему, всмотрелась в лицо и покачала головой недоверчиво.

– И откуда ты взялся на мою голову? Сама иногда не знаю то ли плакать, то ли смеяться. Или сбежать куда подальше, пока не поздно.

– Поздно, – сказал Ясень, наклоняясь к ее губам. – Никуда ты уже не денешься.

Прохладный ветер норовил забраться за ворот и влажно дышал в лицо, но они не обращали внимания. Серые тучи толпились в небе, отпихивая друг друга и споря, кто уронит на землю первые капли. Птицы, которых утром распугало мерцание, пришли в себя, и вороний грай разносился над степью, тревожа сердце. Холмы зябко ежились, как бездомные псы, и трава линялой шерстью топорщилась на их спинах.

Когда конь уже подошел к домам на окраине, Ясень сказал:

– А насчет ярмарки – это ты зря, серьезно. Выберут, куда они денутся. Если не нас, то кого тогда? Лучше все равно не найдут.

– Скромный ты, – похвалила Звенка.

– За это и ценят, – заметил Ясень.

– Ладно, скромник, вези домой. Пора венки плести, а то не успею.

2

Жеребец нехотя позволил отвести себя в стойло. Ясень ему сочувствовал. Перерожденному коню было скучно в крошечном городишке, где жизнь течет размеренно и спокойно.

– Потерпи, – сказал Ясень, – завтра еще набегаешься.

Конь покосился на него и всхрапнул недовольно.

Мол, в сотый раз уже обещаешь, а толку нет.

– Но-но, не наглей.

Ясень шлепнул его по холке, и скакун довольно оскалился. Выглядело это пугающе. Клыки частоколом, костяные шипы на черепахе и горящие глаза в полутьме – увидишь такую морду на сон грядущий, кошмары до утра обеспечены.

– Держи, проглоти.

Конь ловко поймал вяленую мышиную тушку. Таким, как он, время от времени нужно мясо, чтобы не забывали свою природу. Да и на здоровье – мышку скормить несложно. Уж всяко не сравнить с той морокой, когда он только перерождался...

Ясень вспоминал, как два года назад впервые подсунул жеребенку высушенный фиалковый корень с кусочком мяса. Не от большого ума, естественно. Просто краем уха услышал, что именно так начинают готовить боевых скакунов. Откуда ж ему было знать, что процесс это долгий и кропотливый, требующий к тому же присутствия гильдейского мастера, который отличается от обычного конюха, как краснодеревщик от плотника. И фиалковый корень с мясной добавкой – отнюдь не единственное, хоть и обязательное условие. В общем, через пару дней отец обратил внимание, что с жеребенком что-то не так, а когда выяснил, в чем причина, схватился за голову и выдал такой загиб, что даже лошади засмутились.

Ясень тогда подумал, что его просто прибьют на месте. Но отец кое-как сдержался. Вызвал старого знахаря, который с жалостью поглядел на коняшку и сказал, что изменения уже начались, хотя обычно на это требуются недели. А поскольку мастера рядом нет, и контролировать перерождение некому, жеребец околет максимум через день. Единственный способ ему помочь – прикончить сразу, чтобы не мучился.

Но Ясень решил, что скорее прикончит самого знахаря, и отправился на конюшню. Он сидел там трое суток подряд, изредка забываясь тревожным сном, а сестренка Пчелка приносила ему поесть и стояла рядом, хлюпая носом. Но Ясень отсылал ее прочь и снова дотрагивался до спины жеребенка, умоляя принять частичку жизненной силы.

Иногда он начинал бредить. Ему казалось, что над несчастным конем клубится лиловый дым. Ясень тряс головой, пытаясь отогнать наваждение. Краски вокруг обретали невыносимую резкость, потом расплывались и перетекали друг в друга. Шерсть у гнедого жеребенка словно обуглилась – стала черной с седым оттенком. Конь лежал на боку, не в силах приподнять голову, а глаза цвета спелой сливы с каждым часом бледнели, пока не погасли совсем. И тогда Ясень, который после трехдневного бдения был уже слегка не в себе, заорал так громко, что лиловый дым испуганно колыхнулся и закрутился вокруг, как призрачная метель. Потухшие глаза коня вновь открылись, а в их глубине зажегся злой багровый огонь.

Знахарь долго не мог поверить, что жеребенок выжил, а трансформация протекает даже быстрее, чем ей положено. Старик качал головой и смотрел на Ясеня с осуждением, как будто тот обманул его в лучших чувствах. Ясень, впрочем, тоже с тех пор относился к бородатому ведуну без малейшего пиетета.

Жеребенок, превратившийся в жутковатого зверя, старика и вовсе терпеть не мог. Особенно на первых порах – при каждой встрече хрипел и скалился не хуже степного волка. Помнил, наверно, что ведун предлагал с ним сделать. Знахарь бледнел и переходил на дру-

гую сторону улицы. Ясеня это весьма забавляло, пока отец не сделал ему внушение. Пришлось объяснить коню, что надо сдерживать чувства.

– Ладно, Черный, – сказал Ясень, – веришь ты или нет – твое дело, но завтра мы выезжаем. Давай отдыхай.

Он вышел с конюшни и направился к дому. Под ногами шелестели жухлые листья. Вроде бы только вчера собрали целую кучу, а ночью поднялся ветер и опять засыпал весь двор. Крыльцо у входа тоже не мешало бы подмести. Оно обиженно скрипнуло, когда Ясень поднимался по деревянным ступенькам.

– Ясень, – позвала матушка. – Иди, обедать пора.

Она выглядывала из кухни – простоволосая, в скромном домашнем платье и с полотенцем через плечо. Говорила негромко – Ясень вообще не помнил, когда она в последний раз повышала голос. Это отец в минуты гнева ревел, как раненый бык, наливался дурной кровью и поминал полуночных тварей. Домочадцы прятались по углам, чтобы не попасть под раздачу, и только матушка нисколько не пугалась – садилась за стол, подпирала ладошкой щеку и говорила: «Развоевался». Отец спотыкался на полуслове, а потом, надувшись как обиженный карапуз, шел к заветному шкафчику. Там что-то звякало, и слышалось характерное бульканье.

– Иду, – сказал Ясень.

Матушка кивнула и вернулась на кухню. Оттуда доносился аромат свежей выпечки, к которому примешивался тонкий медовый запах. Ясень подошел и приоткрыл дверь. Противень с пирогом скромно остывал на печи, а на большом столе были разложены фиолетовые цветы – аккуратно, ровным слоем, словно живая скатерть. Их собрали вовремя, до полудня, поэтому они не завяли и продолжали мерцать. Матушка с Пчелкой стояли рядом и любовались, а старая Веста – кухарка, экономка и няня в одном лице, – выбрав один цветок, разглядывала его на просвет, принимаясь и задумчиво шевелила губами. Прикидывала, как лучше делать настойку. Заметив Ясеня, матушка махнула рукой:

– В комнату – не сюда.

– Понял, понял. Я просто глянуть.

В столовой казалось, что уже наступили сумерки. Старая яблоня росла напротив окна, заслоняя свет. Ветки мерно покачивались, шевелились, как узловатые пальцы. Отец задумчиво вышагивал вдоль стола. Заметив Ясеня, приостановился и хмыкнул. Выдержал паузу, потом, наконец, сказал утвердительно:

– На поле ездил.

– Ездил.

– Понятно.

Ясень несколько удивился. Он ожидал, что реакция будет более бурной.

– Решил старика позлить напоследок?

Вопрос был, в общем-то, риторический, и Ясень только пожал плечами.

– Дурак, – сказал отец. – Сколько раз говорил – не трогай его. Он такие вещи не забывает. Думаешь, дедушка безобидный, только и может, что травку собирать, да Мирку хворостиной лупить? Жаль, ты его лет двадцать назад не видел...

Отец замолчал и нахмурился, как будто вспомнил что-то малоприятное. Потом махнул рукой:

– Ладно. Здоровый лоб уже, сам теперь разбирайся. Все равно ведь стоишь и не слушаешь ни хрена. Только и ждешь, как бы завтра побыстрее наступило. Готов себя показать, герой?

– Готов, – сказал Ясень, внутренне подбравшись.

– Уверен?

– Проверь.

Они застыли, впившись друг в друга взглядом, но это длилось всего секунду. Потом отец ухмыльнулся и сказал:

– Проверю, а как же. Ну-ка...

Он шагнул к шкафчику и достал бутылку красного рома. Плеснул в два стакана.

– Света без пепла.

Жидкость обожгла горло. Ясень едва не закашлялся, но сдержался. Родитель одобрительно хмыкнул.

– Вижу-вижу, наш человек, – он быстро разлил еще по одной. – Верить ли, Ясь, завидую тебе белой завистью...

Ясень верил. Он и сам порой удивлялся, как отец с его буйным нравом столько лет продержался в этой дыре. Будь его воля, глава семьи до сих пор носился бы с клинком наголо от моря до моря, сшибаясь с дикарями на побережье и с бунтовщиками в предгорьях. Да и семьи никакой бы не было, скорее всего. Но судьба распорядилась иначе.

Бравый вахмистр королевских драгун был ранен в битве у Багровых Утесов. Это произошло на глазах у юного короля. Его величество, который и сам предпочитал помахать мечом, вместо того чтобы читать отчеты о налогах и урожаях, лично повесил вахмистру медаль на шею и пожаловал потомственное дворянство. Перед драгуном открывались блестящие перспективы, но ранение оказалось слишком серьезным. Несколько месяцев он едва мог подняться. Потом кое-как оправился, но при ходьбе заметно хромал и, что самое страшное, не мог больше долго удерживаться в седле.

В конце концов он вернулся в родной городок посреди степи, где в него сразу вцепился пожилой бургомистр, которому позарез был нужен новый начальник стражи.

Много раз отставной драгун потом проклинал тот день, когда согласился на уговоры. Впрочем, были и положительные моменты. Местные барышни млели и таяли при виде пурпурно-алой медали на широкой груди героя. Вот и дочка купца – самого богатого в городе! – тоже не устояла...

– Я тебе так скажу, – отец оглянулся на дверь и понизил голос, словно боялся, что их подслушают, – к Волкам иди, к Ястребам, к кому хочешь. Только в это болото не возвращайся. Понял, дурень?

Одним глотком он выдул ром из стакана. В эту минуту дверь открылась, и матушка шагнула через порог. Взглянула на мужа и сказала:

– Ага.

В этом слове было столько оттенков, что отец покраснел и поспешно сунул бутылку в шкафчик. Пчелка, вошедшая вслед за матушкой, хихикнула, но тут же опомнилась и сделала невинное личико. Старая Веста водрузила в центр стола огромное блюдо. Пирог, исходящий паром, едва не лопался от начинки. Принцип у матушки был простой – чем больше мяса, тем лучше. В противном случае отец не преминет съязвить на тему того, что его кормят тестом и травкой, как последнего смерда, и что у него в полку даже лошади питались разнообразнее.

– Мелкого позвать? – спросила Пчелка.

– Не надо, – сказала матушка. – Спит твой братик, я к нему заходила только что. Потом пирога ему отнесешь.

– Как он, кстати? – спросил Ясень. – Выздоровливать собирается?

– Ночью пропотел, лучше стало. Только слабый совсем.

– Правильно, пусть спит. Быстрее поправится, – глубокомысленно заметил отец. Он был рад, что разговор ушел от бутылки в шкафчике.

Матушка понимающе усмехнулась:

– Садись уже, лекарь.

Ясень ощутил, что его самого неодолимо тянет ко сну. Разумных объяснений этому не было. Ведь не с двух же стаканчиков развезло? Но веки наливались свинцом, и глаза

слипались. Вокруг сгустился лиловый сумрак, фигуры домочадцев сделались плоскими, а голоса звучали глухо и неразборчиво, словно из-за двери.

Ясень с трудом улавливал, как Пчелка в лицах пересказывает сцену на поле, смешно копируя интонации ведуна. И как отец посмеивается в усы, а матушка качает головой осуждающе, но даже на ее губах иногда мелькает улыбка. Потом старая Веста говорит, что фиалковый цвет в этом году удался на славу, она уж такого и не припомнит. И вообще, по такой погоде ходить на поле – чистое удовольствие. А вот, когда она, Веста, впервые собирала фиолетовые огни (шутка ли, два больших цикла с тех пор сменилось), стоял собачий холод, потому что дело было зимой, и цветы проросли на проталине посреди ледяной равнины, и мороз обжигал лицо, выцарапывал последние остатки тепла, и уже не слушались пальцы...

– Ясень!

Кто-то звал его с другого края снежного поля, но голос терялся, не мог пробиться сквозь завывание вьюги.

– Ясень, слышишь меня?

Он с трудом поднял взгляд и не сразу сообразил, где находится. Все сидящие за столом уставились на него – Пчелка даже рот приоткрыла. В ушах звенело, словно рядом только что ударили в колокол.

– Да, – сказал он. – Я слышу.

– Заснул, что ли? Зовем, зовем, а ты – ноль внимания.

– Все в порядке, – Ясень потер глаза. – Просто устал немного. Пойду прилягу на пару часов, пожалуй.

Путь до кровати показался ему нестерпимо долгим. Голова кружилась, ноги стали ватными, но все-таки он добрался. Рухнул головой на подушку, и сон поглотил его, как трясина поглощает брошенный камень.

Он уже не видел, как матушка зашла в комнату и осторожно присела рядом. Потом заглянула Пчелка и, помолчав, сказала:

– Я у Весты спросила, что с ним такое. Она говорит, это дева-судьба его наказала. Ну то есть не наказала, а так... Вроде как по носу щелкнула, чтобы не слишком наглел. А вообще, она – ну дева, в смысле – любит таких, которые не боятся. Присматривает, мол, за ними, оберегает...

– Все их любят, – вздохнула матушка. – Только и жизнь у них – не аллея, камнем мощенная, а тропка горная по-над пропастью. Чуть зазеваешься, споткнешься – и костей уже не собрать. Сколько раз ему говорила – думай головой, не лезь на рожон, но ведь, сама понимаешь, без толку.

Тихо было в каменном доме, только хныкал за окном ветер.

– Ладно, – матушка поднялась. – Ты веночек-то приготовила?

– Нет еще.

– Ну пойдем.

Они вернулись на кухню, и Пчелка принялась бережно ворошить цветы на столе. У некоторых фиалок стебли были неестественно длинные – можно легко связать в узелок. Пчелка отбирала их, прикладывала друг к другу, переплетала. То, что возникало в ее руках, было похоже на зеленую косу с множеством фиолетовых брошек.

Закончив, она с удивлением обнаружила, что в кухне стало светлее. Выглянула в окно. Тучи поредели – впервые за много дней в просветах между ними синело небо. Солнечный луч небрежно мазнул по крышам.

– Матушка, солнце! – Пчелка засмеялась, закружилась от восторга по кухне.

– Куда ж без него сегодня?

– А я боялась, что дождь пойдет!

– Глупышка. Сплести успела?

– Да, вот смотри!

– Ух, красота! Ну беги тогда. Смотри не забудь только...

Матушка нагнулась к ней и что-то прошептала на ухо. Пчелка зарделась, прыснула. Схватила цветы и выскочила на улицу. Увидела стайку сверстниц, догнала, защебетала с ними наперебой. Смех-колокольчик звенел хрустально и чисто. Девушки шагали к окраине, перекинув через плечи фиолетово-зеленые «косы».

Соседки, подружки, дальние родственницы – все, кто утром собирал фиалки на поле, теперь шли по дороге к реке.

Ветер стих, и с каждой минутой становилось теплее. Выйдя на высокий берег, девушки замерли, огляделись заворуженно. Серовато-желтая степь тянулась до горизонта. Солнце висело низко, свет его вливался в реку ручейком расплавленной меди.

Девушки переглядывались, подталкивали друг друга – кто смелей, кому начинать?

Черноволосая красотка протолкнулась вперед, тряхнула головой, подмигнула. Сняла с шеи «косичку», сплетенную из фиалок, и, размахнувшись, подбросила ее вверх.

Цветы, оказавшись в воздухе, впитали закатный огонь и вспыхнули ярче. Они не упали, солнце, протянув руку-луч, подхватило их и взвесило на ладони. Казалось, над рекой танцевала зелено-фиолетовая змея – шкура ее искрилась, а длинное тело скручивалось в тугие жгуты. Это продолжалось секунд пять или шесть, а потом огни вдруг погасли, и «косичка» распалась на отдельные стебли. Бледным дождем они осыпались в воду.

Над толпой пронесся разочарованный вздох. Но хозяйка «змеи», похоже, ни капельки не расстроилась. Она пожала плечами, махнула рукой и прокричала звонко:

– Ой, да не очень-то и хотелось! Были б женихи приличные, а то смех один. Годик еще погуляю. Правильно, девки?

Вокруг засмеялись.

– А и верно, Янка! Какие тут женихи? Тебе б из благородных кого!

– Волка! Или нет, лучше Ястреба!

– И чтобы замок!

– И герб!

– И корабль воздушный!

Почин был положен, и девушки осмелели. Разбрелись вдоль берега, не желая мешать друг другу, бросали цветы, и змейки плясали в лучах заката. Пчелка ни на что особенно не надеялась, но сердце томительно замерло, когда ее «косичка» взметнулась над ленивой рекой. Фиалки задержались в воздухе всего на пару мгновений и рассеялись по волнам. Пчелке почудилось, что солнце ей подмигнуло – рано, мол, тебе, девица, про женихов выпрашивать.

Зато у соседки цветочный жгут не распался, а, наоборот, как будто бы скрутился сильнее. Искристая змея опускалась медленно, изгибалась плавно и грациозно, а у самой воды свернулась кольцом – «косичка» превратилась в настоящий веночек, и течение понесло его прочь.

Хозяйка венка взволнованно ахнула и всплеснула руками, а другие кинулись ее поздравлять. Пчелка тоже порадовалась и опять взглянула на реку. Хотела пересчитать, сколько получилось колец-веночков, – они продолжали светиться, медленно уплывая.

Но рядом вдруг закричали на несколько голосов.

Пчелка проследила, куда направлены взгляды, и тоже пискнула от испуга. Одна из «змеи», запущенных с берега, никак не желала падать. Она извивалась в воздухе, но это был не танец, а конвульсии, корчи. Вокруг «змеи» клубился лиловый дым, и она визжала от боли – на такой невыносимо высокой ноте, что у Пчелки заныли зубы. Искры на змеиной «шкуре» меняли цвет – теперь они были не фиолетовые, а красные, словно воспаленные язвы. Запахло паленым мясом.

«Змея» сгорала в солнечном свете.

Пламя яростно полыхнуло, и на воду посыпался черный пепел.

Пчелка посмотрела на берег, чтобы увидеть, кому принадлежали цветы. И застыла, прижимая ладонь к губам.

Напротив пепельного столба стояла Звенка, невеста Ясеня.

3

Ясень проснулся посреди ночи. Прислушался к себе – кажется, все в порядке, и голова сообщает нормально. Пить, правда, хотелось мучительно, словно он сутки пробыл в пустыне.

Поднялся и, пошатываясь, добрался до кухни. Зачерпнул воды, жадно выхлебал и, блаженно отдуваясь, опустился на лавку. Посидел, собираясь с мыслями. Завтра (или уже сегодня?) предстояло выезжать на рассвете. К счастью, в дорогу он собрался заранее, снедаемый нетерпением. Сборы, впрочем, не заняли много времени – путь предстоял недолгий, один дневной переход. И много вещей ему ни к чему. Оружие, конь – вот главное. Ну и деньги, конечно...

Скрипнула половица, и матушка шагнула через порог. Молча присела рядом. В серебряном свете, что лился с ночного неба, лицо ее казалось неестественно бледным.

– Я тебя разбудил? – спросил Ясень.

– Я не спала.

Она протянула руку, провела по его короткостриженным волосам:

– Как себя чувствуешь?

– Хорошо. Не знаю, чего меня вдруг сморило.

– Да уж, загадка – в жизни не разгадать, – матушка улыбнулась тихо и грустно; долго молчала. – Значит, дождался все-таки. Едешь...

– Ну чего ты, – сказал Ясень с легкой досадой. – Двадцать раз уже обсудили...

– Знаю. Только душа все равно болит.

Она прикоснулась ладонью к ложбинке между ключицами. Ясень вздохнул, не зная, что говорить. Где-то очень далеко за окном – на другом конце города – гавкнула собака, но тут же затихла, словно смутившись.

– Попроси у Звенки прощения, – сказала матушка. – Она хорошая девочка.

– Прощения? За что?

– Неважно. Просто попроси. Неужели трудно?

– Ладно, – он фыркнул, – как увижу, так сразу, первым делом...

– Ну и славно, – мягко перебила она, вставая. – Пойду я все же посплю немного. Трудный день завтра будет.

– Трудный? – повторил Ясень, растерянно глядя вслед. – Ну да, наверно...

Конь пританцовывал, всхрапывал недовольно – ему не терпелось рвануть по улице, чтобы пыль полетела из-под копыт. Ясень сдержал его, натянув поводья, и оглянулся. Все они стояли у ворот – и отец, и матушка, и старая Веста, и заплаканная, непривычно тихая Пчелка. Даже маленький братец Радик, который едва оправился от болезни, упросил, чтобы его пустили на улицу. Закутанный до бровей, он напоминал сейчас медвежонка, глазенки сверкнули завистью и восторгом, когда Ясень, рисуясь, поднял коня на дыбы.

Отец по случаю проводов даже втиснулся в парадный мундир (пуговицы на брюхе, правда, так и не застегнулись). На прощание он отсалютовал палашом. Пчелка в очередной раз за утро шмыгнула носом, а матушка просто глядела вслед, и глаза ее были совершенно сухи, а лицо пугающе неподвижно. Ясень отвернулся, махнув рукой, и скакун понес его прочь, мимо сонных домов и резных заборов, и старые деревья тянули ветки, прося остаться, хотя понимали, что он уже не услышит.

Ночь отступала. Небо постепенно светлело.

Звенка не стала ждать Ясеня у ворот, ее гнедая кобылка уже шагала по улице, уныло помахивая хвостом. Ясень легко настиг ее, тронул девушку за плечо. Когда Звенка поверну-

лась к нему, он вздрогнул от удивления. Лицо его невесты осунулось, а глаза покраснели, как будто она всю ночь проревела.

– Что случилось?

– Ничего.

Бесцветный голос, как шелест опавших листьев.

– Звенка, не пугай меня. Что с тобой?

– Со мной? – Она растянула губы в усмешке. – Со мной все в порядке. Разве не видно?

Все смотрят и от зависти лопаются.

– Угу, – сказал Ясень; ему вспомнилась ночная беседа с матушкой. – Слушай, ты это...

Извини, если что...

Она всмотрелась ему в лицо, словно пытаясь обнаружить издевку. Потом покачала головой, поторопила лошадь и обогнала его на десяток шагов. Ясень плелся за ней, пытаясь понять, в чем дело.

На выезде из города уже собрались попутчики. Глухо постукивали копыта, голоса причудливо искажались в тумане. Заметив Звенку и Ясеня, все, как по команде, затихли и уставились на них – кто с испугом, а кто с выражением жадного любопытства. Ясень почувствовал раздражение.

– Здорово, – сказал он. – Все собрались?

– Барсука еще нет, – отозвался кто-то. – И Рыжего.

– Какого Рыжего?

– Ну который с хутора.

– Он тоже едет?

– Ага.

– Ладно, ждем...

Ясень махнул загадочному приятелю по прозвищу Жмых. Они вдвоем отъехали в сторону, встали на обочине у дороги.

– Ну? – сказал Ясень.

– Что – «ну»?

– Слушай, хоть ты не темни. Чего вы на нас так смотрите? Звенка вообще сама не своя.

Вместо «здрасьте» чуть морду не расцарапала...

– Так, это, Ясь... Они вчера на реку ходили...

– И что?

– Сестра тебе не рассказывала?

Ясень припомнил, что перед самым отъездом пытался расспросить Пчелку, чем закончилась забава с венками, но та почему-то отвечала невнятно и все время отводила глаза. Он решил – сестренка обиделась, что солнце не показало ей жениха. И не стал выпытывать дальше – хватало своих забот. А у них там, значит, случилось что-то?

– Так, Жмых. Давай теперь поподробнее.

Тот, смущаясь и запинаясь, поведал о сгоревшей «змее». Смотрел виновато – дескать, ты уж извини, друг, но из песни слова не выкинешь. Ясень же, слушая, потихоньку зверел:

– То есть она из-за этих венков-цветочков сегодня такая добрая?

– Ну так... – Жмых оглянулся и вдруг зачастил взволнованным полусшепотом: – Нет, Ясь, ты сам подумай – у девчонки венки сгорели!.. Черным пеплом на воду – они там чуть в обморок не попадали... Вчера только и разговоров было – так и жизнь, мол, прахом пойдет, суженому огонь на роду написан... Как ей на тебя глядеть после этого? Я тебе так скажу – смелый ты парень, Ясь, да только краев не видишь. Ты когда сказал, что на поле собрался ехать, я не поверил, подумал – шутишь. Какой же дурак своей удачей рискнет? А ты, выходит, не шутил вовсе. Оно понятно, ты у девы-судьбы любимчик – и конь у тебя, и невеста первая в городе... Да только, сам видишь, меру тоже знать надо...

Он тараторил, как заведенный, а Ясень боролся с искушением дать ему в ухо. Или, пожалуй, в нос, в эту картофелину с веснушками. С размаху, чтобы юшка потекла по губам, по подбородку с редкой щетиной, закапала на рубаху...

Но еще больше раздражала другая мысль, которая стыдливо пряталась под нарастающей злостью. Насчет того, что Жмых, возможно, не так уж далек от истины. Ясень и сам неоднократно задавался вопросом – почему неписанные законы, по которым люди живут веками, ему, Ясеню, представляются не то чтобы глупостью, но... как бы это выразить поточнее?.. В общем, вызывают вопросы. И пробуждают желание проверить все на собственном опыте. Родители привыкли и уже не пугались. Отец – сам авантюрист по натуре – даже, кажется, завидовал временами. И со Звенкой Ясень разговаривал откровенно. Ну почти откровенно. Как она спросила тогда: «Не страшно деву-судьбу дразнить?» Он ответил, что деве не до него – в столице проблем хватает. А ведь мог бы сказать, что в хозяйку судьбы он, конечно, готов поверить, но только после того, как встретит ее где-нибудь на лугу и перекинется парой слов...

– Ладно, Жмых, – перебил Ясень, – я тебя понял. Потом до конца расскажешь. Выдвигаться пора – все вроде уже собрались.

Он хотел подъехать к Звенке, успокоить, убедить, что ничего страшного не случилось, но вокруг нее вертелись девицы. Они то и дело оглядывались на Ясеня – испуганно, но при этом с твердой решимостью защитить обожаемую подружку. «Вот же курицы! – подумал он. – Ладно, позже поговорим – целый день еще вместе ехать».

Ясень уже приготовился гаркнуть «Тронулись!», но тут со стороны выселок из тумана возникла еще одна всадница (если, конечно, это благородное слово вообще применимо к Мирке, ученице старого знахаря). Кобылка у нее была такая же рябенькая, с грустными глазами и куцей гривой. «Тебя только не хватало, – подумал Ясень. – Надо ехать быстрей, а то весь город с нами увяжется».

Туман с каждой минутой редел. Ясень в последний раз окинул взглядом городские постройки и развернул коня на восток – в ту сторону, куда уводила наезженная дорога.

Погода стояла великолепная. Казалось, что сейчас весна, а не осень, и лишь пожухлая степь вокруг портила впечатление. Солнце выбралось из-за дальних холмов и теперь светило прямо в лицо. Ясень достал «глазок» и посмотрел сквозь темное стеклышко. Солнечный диск был идеально чист, без единого пятнышка.

Отряд растянулся по дороге как маленький караван. Ясень, ехавший впереди, пересчитал людей – получилось полторы дюжины. Все те, кто, достигнув в этом году совершеннолетия, решили уехать из города. Кто-то хочет в гильдию на учебу, а кто-то на службу к одному из древних родов. Впрочем, одного желания мало – надо пройти отбор. «Смотринь», как их иронически называют в народе. И проводятся они каждый год, на второй день осенней ярмарки.

Так уж принято (еще одна традиция, да), что на ярмарку молодежь всегда едет своей компанией, отдельно от тех, кто везет товар на продажу. Хотя, если вдуматься, это глупо. Ехали бы вместе – больше бы шансов было, к примеру, от разбойников отмахаться. Впрочем, бойцы тут, конечно, те еще...

Ясень оглядел попутчиков и поморщился. Оружие – и то не у всех. Вот, спрашивается, зачем Волкам или Ястребам такие кандидаты на службу? Если начистоту, шансы имеет только он, Ясень, да еще Жмых, при некотором везении.

А барышни куда наострились? В этом году аж четыре едут. Ну ладно Звенка – тут разговор особый. А остальные? Замуж пора, а они скачут неизвестно куда.

Замуж, ага.

Мысли опять вернулись к вчерашней истории на реке, и Ясень выругался вполголоса. Нет, надо все-таки со Звенкой поговорить.

Он притормозил, пропуская других вперед. Но девушки вместе со Звенкой, поравнявшись с ним, отвернулись и поторопили лошадок. Ясень с трудом сдержался и промолчал. Сделал каменное лицо и продолжал торчать на обочине, пока весь отряд не проехал мимо него. Пристроился в хвост и стал размышлять о том, что куриц-подружек не мешало бы взять за шкирки, развернуть лицом к родному насесту и ласково дать пинка, дабы не путались под ногами.

Впереди возникла заминка. Неуклюжая Мирка что-то уронила, слезла с лошади и кинулась подбирать. Парни посмеивались и ехали дальше. Ясень, приблизившись, рассмотрел в руках у юной знахарки свиток, аккуратно запечатанный сургучом. Еще и шнурок имелся – прямо королевская почта, елки-метелки. Мирка испуганно оглядывала свое сокровище, охала и сдувала пылинки.

– Что это у тебя?

Она подняла глаза и, увидев Ясенья, покраснела.

– Письмо...

– Вижу, что не кастрюля. Ну и кому оно?

Мирка, пораженная тем, что с ней завели столь продолжительный разговор, окончательно растерялась. Пролетела:

– В храм...

– Да ладно? – озадачился Ясень. – Старый хрен твой написал, что ли?

– Он не старый! То есть не хрен...

– Тебе виднее. Ну и что пишет?

– Не знаю, – она моргнула. – Я же не открывала!

Быстро глянула на печать, словно не доверяя себе, и прижала свиток к груди.

– Да успокойся, – сказал Ясень, – не отберу.

Подождал, пока она вскарабкается в седло, и спросил:

– Так ты за этим едешь? Чтобы письмо отдать?

– Да. И в гильдию попроситься.

– В гильдию? В какую?

– В цветочную. Я умею, – заторопилась она, – я вижу, как они солнце пьют и как возвращают. В смысле не вижу, а чувствую, и они меня тоже слышат...

– Кто они? – спросил Ясень, несколько сбитый с толку.

– Ну цветы же! А учитель мне про столицу рассказывал, какая там красота...

Глаза ее загорелись – похоже, в мыслях она уже бродила по закоулкам дворцовых парков. Ясень подумал, что ситуация слегка отдает абсурдом. Его невеста, хохотушка и красавица Звенка, стала мрачнее тучи и не желает с ним говорить. Зато сам он светски беседует с глупой помощницей ведуна, которая лицом страшнее собственной лошади, но при этом мечтает о королевских садах. Ну да, конечно, аристократы в столице только и ждут, когда же, когда к ним приедет Мирка.

– Слушай, – сказал он, – а как тебя этот хрыч вообще отпустил? Я думал, ты у него до старости просидишь. Ну или пока он сам не помрет, козел бородатый.

– Он добрый! – пискнула Мирка и сразу съезжилась, словно в ожидании кары. Опять запунцовела и, не зная, чем занять руки, принялась запикивать глубже в сумку заветный свиток с печатью.

Вот тоже загадка, подумал Ясень. Чего такого мог написать старикашка в храм, если всем хорошо известно, что тамошние жрецы, надутые важностью, на дух не переносят немых знахарей, шаманов и прочую деревенщину? Скорей всего Мирку просто выгонят в шею. Впрочем, это ее проблемы.

– Ясень, – робко позвала Мирка, – хочешь покушать?

Она развернула чистую тряпочку и теперь протягивала ему пирожок – огромный, как лапоть, румяный и ароматный. Глядела собачьим преданным взглядом. Ясень почувствовал, как волна раздражения, едва успевшая отступить, снова захлестывает его с головой.

– Да ну тебя, – буркнул он.

Черный конь, уловив настроение седока, заржал и оскалил зубы, так что кобылка Мирки шарахнулась в сторону. Ясень пихнул коня каблуками и, обгоняя попутчиков, понесся вперед, во главу отряда. Солнце поднималось все выше.

На привал остановились возле ручья. Место было удобное и хорошо знакомое всем, кто ездил этой дорогой. На вытоптанной площадке чернело кострище. Судя по его виду, огонь разводили совсем недавно – вероятно, прошедшей ночью. Но тот, кто это сделал, уже покинул стоянку.

Степь просматривалась отлично, даже холмов поблизости не было. Только старое засохшее дерево торчало среди равнины. Ясень, увидев его, почесал в затылке. Насколько он помнил, ничего такого здесь не росло. Может, просто внимания раньше не обращал? Хотя такую громаду не заметить, пожалуй, трудно. Да, интересно, надо бы уточнить.

Ясень хотел обратиться к Жмыху, но тот разжигал костер. Народ вокруг галдел, доставал припасы. Уже набрали воды в котел, чтобы варить обед. На дерево, стоящее за ручьем, никто не смотрел. До него было не больше сотни шагов, и Ясень решил подъехать поближе.

Ствол оказался толстым – в три обхвата, не меньше. Мертвая кора напоминала по цвету камень. Ветки почти отсутствовали, как будто их обглодал неведомый зверь, а на десерт откусил макушку.

Спрыгнув с коня, Ясень потрогал кору ладонью. Показалось, что где-то рядом раздался протяжный вздох, но это был просто ветер. Ясень медленно обошел вокруг искалеченного ствола, аккуратно переступая толстые корни.

Поднял глаза и опешил.

Конь пропал, а за ручьем у костра не было ни единого человека.

А еще с неба исчезло солнце.

4

Ясень стоял у мертвого дерева и пялился в бездонную высь. Цвет у неба остался прежним – бледная, вылинявшая к полудню лазурь с редкими кляксами облаков. Но там, где минуту назад сверкал ослепительный желтый диск, теперь была пустота. Словно ловкий воришка, дождавшись, пока все отвернутся, стянул с прилавка золотую монету.

Впрочем, нет – это сравнение не совсем подходило. Ясень каким-то образом чувствовал, что солнце на месте, просто закрылось от лишних глаз. Он как будто стоял в тени большого облака, которое было само по себе невидимо, но при этом не пропускало солнечные лучи. Да, похоже на бред, но Ясень не мог это выразить по-другому – не имелось подходящих слов в языке.

Тень сгустилась. Казалось, воздух над головой стал плотным и осязаемым. Это напоминало клубы темного дыма. Они расплзались в стороны, наливаясь изнутри чернотой и обретая четкие формы. И Ясень понял, что над ним простерлись два огромных крыла.

Крылья пришли в движение, всколыхнув нагретый воздух над степью. Ожившая тень опускалась с неба – туда, где торчал обрубок мертвого дерева, похожий на риф посреди травяного моря.

Дымная птица легко коснулась земли.

Она поражала воображение своими размерами – в три человеческих роста, если не больше. Силуэт казался слегка размытым, словно птица не застыла на месте, а стремительно летела по небу. Клубящийся мрак стекал с ее перьев, в глазах полыхало пламя, как в жерле разбуженного вулкана. Ясень прижимался спиной к стволу, ощущая, как шевелятся волосы на затылке. Огненный взгляд уперся в него, заставил зажмуриться.

Потом он услышал:

– Время приходит.

Голос пробирал до костей, в нем слышался лязг металла и завывание ветра среди ледяных вершин. Ясень чуть не оглох, когда громадина, наклонившись к его лицу, проскрежетала:

– Спрашивай.

Он пробормотал:

– Кто ты?

Ему почудился смех, похожий на эхо далекого камнепада. Темная фигура отступила на шаг и совершенно по-человечьи повела головой, как будто хотела размять затекшую шею. Ясень вдруг понял, что птица уменьшилась в размере, дым перестал клубиться, да и перьев больше не видно. Он усиленно заморгал, но наваждение не исчезало, гостья подняла руку вместо крыла и отбросила светлую прядь со лба.

Нет, все-таки он не бредил – птица и в самом деле превратилась в юную барышню.

– Так лучше? Теперь узнаешь?

– Э-э-э... – сказал Ясень.

– Понятно.

Она была хороша собой – высокая, стройная, с нежной кожей. Одета в простенький сарафан, какие носят крестьянки летом. Волосы распущены по плечам. Никаких украшений – ни колечек, ни бус, ни ленточек разноцветных. Но все равно не похожа на бедную девочку из деревни. Скорее уж на знатную даму, которая нарядилась селянкой на карнавал.

Заметив, что Ясень ее разглядывает, девица понимающе усмехнулась. Слегка отставила ножку и склонила голову набок, словно позировала художнику. Потом опять посерьезнела:

– Приходи в себя, парень. Времени мало.

– Мало?

Девушка вздохнула, шагнула ближе. Взяла его ладони в свои и неожиданно облизнулась. Он обреченно подумал, что сейчас его либо укусят, либо поцелуют взазос, – и сразу не скажешь, что в данной ситуации предпочтительней. Но она вместо этого легонько подула ему в лицо, и это невинное действие дало поразительный результат. Ясеню показалось, что ветер с Хрустальных Гор, разом преодолев сотни лиг, обжег его ледяным дыханием. Голову наполнила морозная ясность, а мысли стали четкими и прозрачными, как узор на стекле зимой.

– Ну? – спросила она.

– Впечатляет.

– Надо спешить.

– Почему?

– Оно отвернулось, но ненадолго.

Девушка кивнула вверх. Ясень поднял глаза – солнце так и не появилось. Вообще-то странно – ведь птица, закрывшая его крыльями, уже спустилась с небес. Похоже, тут все еще сложнее, чем кажется...

– Отвернулось? С чего вдруг?

– Не хочет видеть. И намек тебе заодно.

– Какой намек?

– Потом поймешь. Сейчас о главном спрашивай. Думай.

– Скажи мне, кто ты.

– Эх, ты, мыслитель, – она покачало головой укоризненно. – Мог бы уже и сообразить. Сам ведь про меня рассказывал давеча, да так душевно – будто всю жизнь знакомы. Мол, вся в делах она, в столице с принцами возится...

Ясень даже не особенно удивился – а может, просто морозный ветер на время выдул эту способность из головы. Память услужливо подсказала: «Ну, дева-судьба, к примеру... Что ей, больше заняться нечем, как за нашим жнивьем смотреть?»

– Вижу, дошло. Да ладно, не смущайся, чего там. Про меня иногда такое плетут – хоть стой, хоть падай.

– Ты все наши жизни видишь?

Она пожала плечами. Ясень осторожно спросил:

– Вчера на реке, у Звенки... Что это означает?

– Пепел и прах. Что тебе тут неясно?

– Это ты меня наказала? За то, что к девчонкам на поле ездил?

– Дурак, – сказала она спокойно. – Я что тебе – зверь из сказки? Шею сверну, чтоб чужие цветы не нюхал?

Ясень чуть не ляпнул «не зверь, а птица», но вовремя удержался. Обдумал ее последнюю фразу, однако ясности не прибавилось. Если нет на нем никакой вины, то к чему зловещие знаки? Попробовал уточнить:

– Так мы со Звенкой поженимся? А когда?

– Зачем тебе это?

– В смысле?

– В прямом. Ну расскажу я, к примеру, что та, которая тебя любит, смерть твою таскает с собой. А другая, для которой ты людей будешь резать, сидит сейчас и гладит котенка. Тебе от этого легче станет?

– Какого котенка?

– Черного, пушистого, с белым пятнышком на груди. И ленточка голубенькая на шее. А через три месяца его задерет облезлый бездомный пес – весь в лишаях, и задняя нога перебита...

Подумала и добавила:

– Левая.

Ясень молчал, переваривая услышанное. Она сказала:

– Пойми наконец – я людскую судьбу не тку. Ему одному решать.

И опять кивнула на небо.

– А ты? – спросил он.

– Я весть приношу. Тому, чье время приходит.

Это заявление ему не понравилось. Что же это за весть такая, если даже солнце не желает присутствовать, когда ее оглашают?

– Ладно, – сказал Ясень с опаской. – И что мне делать теперь?

Дева-птица подняла взгляд. Ветер, утихший было, застонал протяжно и яростно. Земля под ногами вздрогнула, и море-степь покрылось штормовой рябью. Темное марево вставало у далеких холмов.

– Ты задал свой вопрос. Я отвечу.

Она говорила размеренно, не повышая голоса, как будто вокруг царила полная тишина, но он отчетливо слышал каждое слово.

– Гори мертвым пламенем, питая живую реку. Иди во тьму, чтобы выйти к свету. Прочти волю солнца по знакам тени.

В лицо дохнуло жаром, и за ее спиной раскрылись дымные крылья. Ясень заорал, задыхаясь:

– Какое пламя, какая река?.. Я ничего не понял! Да погоди, постой же!

Как ни странно, она послушалась. Снова приблизилась, и Ясень пожалел о своем порыве, потому что в ее глазах уже не было ничего человеческого – только пожар, который рвался наружу.

– Я скажу тебе, – шептала она горячо и быстро, – главное скажу, понял? Мы все горим, и пепел сплошной вокруг. А больше нет ничего. Смотри...

Она протянула руку открытой ладонью вверх. Потом медленно сжала пальцы, и Ясень услышал хруст – так хрустит уголек, раздавленный каблуком. Ветер слизнул с ее ладони горстку золы, развеял над степью. Сразу запахло гарью, и стало трудно дышать. Ясень глянул на небо – жженные хлопья сыпались, словно снег. По равнине мела седая поземка, под которой истлевала трава.

Завороженный, он сделал десяток шагов вперед, а когда оглянулся, уже не увидел вестницу. Лишь мертвое дерево чернело в облаке сажи.

Ноги не держали его. Ясень, упав на колени, услышал противный треск. Поднес к глазам руки, наблюдая, как кожа превращается в тлен, и сквозь нее проступают кости. Зола скрипела на зубах, ослепляла, но, прежде чем потерять сознание, Ясень успел подумать, что вьюга вокруг уже не серая, а лиловая.

Сиреневый пепел.

«Мы все горим, а больше нет ничего...»

Венок над рекой.

Котенок с голубой лентой...

...Он очнулся, ощутив на лице чужое дыхание. Разлепил глаза и вздрогнул, увидев прямо перед собой клыкастую пасть. Но все же сообразил, что это конь нагнулся к нему и тычется мордой, желая привести хозяина в чувство.

– Перестань, – буркнул Ясень, поднимаясь на ноги.

Жеребец довольно заржал. Яркое светило солнце, тихо колыхалась трава. Воздух был прозрачный и чистый, ни малейших следов золы. Из-за ручья доносился смех.

«Приснится же такое», – подумал Ясень. Что с ним вообще творится? Опять сморило среди бела дня. Хорошо хоть, в этот раз до вечера не проспал.

Он взял коня по уздцы и побрел к стоянке.

– Чего ты там круги нарезал? – полюбопытствовал Жмых. – Кусты искал, что ли? Так они вон, в другой стороне.

– Очень остроумно, – оценил Ясень. – Может, мне дерево больше нравится.

– Какое дерево?

Ясень оглянулся и с трудом удержал ругательство. Ствол, под которым он только что дрых, бесследно исчез, словно его и не было.

И как это понимать? Может, не проснулся еще?

Он ущипнул себя за руку и зашипел от боли. Жмых посмотрел с сочувствием.

Нет, это явно уже не сон.

Значит, и эта... вестница... не привиделась?

Он попытался вспомнить ее лицо, но ничего не вышло – образ в памяти расплывался, как отражение на воде. Ясень закусил губу, сосредоточился. Голова предательски закружилась, и он почувствовал тошноту. Пошатнулся, и Жмых придержал его за плечо:

– Ау, ты живой?

– Живой пока, – сказал Ясень. – Но есть хочу – умираю. Что там у нас с обедом?

И, не дожидаясь ответа, подсел поближе к котлу.

К Белому Стану подъехали на закате. Миновали плоский холм с эшафотом, где три года назад был казнен атаман разбойников. Тогда сменялся великий цикл, и ярость солнца не знала предела. Наутро от приговоренного не осталось ни малейших следов. Даже цепи, которыми он был прикован к плите, растворились, как масло в горячей каше.

На въезде в город притормозили, разглядывая пустырь, где прежде стоял трактир – тот самый, в котором за пару часов до казни Угря произошло побоище. Дюжину Ястребов зарезали, словно кур, но виновных так и не отыскали. Слухи ходили самые разные – как и положено, один страшнее другого. Многие клятвенно утверждали, что лично видели кошмарную тварь, которая учинила резню. В любом кабаке в пределах десяти лиг можно было найти надежнейшего свидетеля, который за кружкой пива подробно перечислял, сколько кльков и глаз имело чудовище.

Масла в огонь подливали те, кто наутро после кровавой бойни наблюдал прибытие пожилого жреца из храма. Старец захотел осмотреть место происшествия, но, ступив на порог, едва не грохнулся в обморок. А когда отдышался, потребовал сровнять злополучный трактир с землей. Что и было сделано со всем возможным усердием. Потом из храма притащили плиту с охранными знаками и положили посреди пустыря. Это подействовало – чудовище больше не появлялось.

Имелись, конечно, скептики, которые говорили, что твари из тени здесь ни при чем, а Ястребов перебили убийцы, подосланные Волками. Не зря же оба клана в те дни едва не перешли к открытой войне, и только вмешательство короля позволило разрядить обстановку. Но скептики, как правило, люди скучные, и их точка зрения никого не интересует...

Конь под Ясенем заржал недовольно – дорогу перегородил воз, заваленный мешками и полотном. Конструкция заметно накренилась на один бок – что-то с колесом не в порядке. Бородатый хозяин сокрушенно вздыхал, разглядывая деревянные спицы. Волы стояли, понурившись. Черный жеребец Ясеня, обогнув телегу, фыркнул в морду волу, и тот отпрянул в испуге. Сзади раздался треск, что-то обрушилось с глухим стуком, но Ясень даже не обернулся.

– Эй, парень, – крикнул ему кто-то с обочины, – где такого коня достал?

– На самогонку выменял, – буркнул Ясень, и Черный дернул башкой, выражая несогласие с этой версией.

По улицам слонялся народ. Слышалась задорная ругань, кто-то горланил песню, сбиваясь на каждой строчке. Судя по настроению, многие уже успели расторгнуться.

На душе у Ясеня было скверно. Всю дорогу после привала он прокручивал в памяти разговор у ручья, пытаясь понять, что означали слова про пепел и пламя. И про смерть в руках той, которая его любит...

Их маленький отряд разделялся. У многих в Белом Стане имелись родственники, и насчет ночлега они договорились заранее. Звенку ждал ее дядя, и Ясень должен был ехать с ней. Он с мрачным интересом подумал – и как же она будет выкручиваться? Привезет жениха, с которым не разговаривает? Забавно...

Дядя жил на другом конце города, и, пока они добирались, спустилась ночь. Запрокинув голову, Ясень взгляделся в потемневшую высь. Теперь-то было нестрашно – солнце честно свалилось за горизонт, а не спряталось за крыльями дымной птицы. Эта мысль неожиданно подняла настроение. Как будто все проблемы и страхи угасли вместе с закатом – настанет утро, и ничего не вспомнится. Зато впереди вся жизнь, манящая и прекрасная...

Он засмеялся тихо и позвал:

– Звенка!

Она повернулась, нахмутив брови.

– Прости меня, слышишь? Все будет хорошо, обещаю.

Звенка всмотрелась в его лицо – как тогда утром около дома. Но в этот раз не отвела взгляд, а улыбнулась едва заметно, и в глазах отразилось ночное небесное серебро.

5

Они вышли из дома, когда небо на востоке только начинало светлеть. Ясень с беспокойством подумал, что уже второй день кряду поднялся в такую рань, и надо срочно принимать меры, чтобы это не превратилось в привычку.

Лошадей брать не стали. Во-первых, идти было недалеко, а во-вторых, на «смотрины» конных не допускают. Таким образом якобы уравниваются шансы всех претендентов. Богаты или бедны – Древнейшим на это плевать с крепостной стены. Решил им служить – приходи на своих двоих, а там уж оценят, на что ты годен. Была и неофициальная версия. Во время испытания, дескать, можно увидеть нечто настолько страшное, что любая лошадь впадет в панику. Ясень, правда, к этим слухам относился скептически. Ага, попробуйте напугать перерожденного жеребца – сами заикаться начнете. Да и вообще досадно. Без этих дурацких правил выехал бы он, Ясень, на своей клыкастой зверюге – все бы от зависти удавились.

Несмотря на ранний час прохожие попадались довольно часто. Пара телег протарахтела в сторону рынка. Впереди уже слышался многоголосый гул. Звенка с Ясенем переглянулись и прибавили шагу, хотя знали, что времени еще много.

«Смотрины» проходили на восточной окраине, на обширной вытоптанной площадке, где в обычные дни упражнялись солдаты городской стражи. Иногда здесь еще устраивали показательные бои. Сегодня территорию дополнительно оградил – по периметру вбили колышки, а между ними протянули веревки, на которых трепыхались флажки. У Ясеня возникла неприятная мысль, что это напоминает загон. Вдоль веревок бродили хмурые стражники, пропуская внутрь только тех, кто прибыл на испытание.

– Ух, – сказала Звенка, – боязно что-то.

– Да ну, – Ясень чмокнул ее в макушку, стараясь выглядеть беззаботно. – Пойдем. Вон я, кажется, наших вижу.

Стражник уступил им дорогу. На Звенку пялились с любопытством – барышни редко участвовали в отборе. Впрочем, сегодня она была не единственной: Ясень насчитал еще с десяток девиц. Всего же тут собрались, пожалуй, сотни две претендентов.

– Ну, – спросил Жмых после взаимных приветствий, – как настроение?

– Ничего, – сказал Ясень. – Сегодня вечером угощаю.

– Ишь ты, герой. А если не выберут?

– Тебя-то? В гуртовщики пойдешь. Или в конюхи. Ты, главное, не расстраивайся.

– Но-но, – сказал Жмых, – не каркай. А я вот интересуюсь – если тебя, к примеру, Волки возьмут, а Звенку, положим, Ястребы? Как вы жить собираетесь?

– Разберемся как-нибудь, – буркнул Ясень.

Прежде он тоже думал на эту тему, но в конце концов плюнул и решил, что все образуется. Со Звенкой понятно – она уже с детства не сомневалась, что будет служить у Ястребов. Мечтала летать на птицах, о чем и заявила родителям. Те посмеялись – мол, подрастет и забудет. Но Звенка не забыла – не тот характер, упрямства хватит на пятерых. Ясень же не видел особой разницы между степными кланами. Ястребы? Ладно, он тоже к ним. Ничем не хуже Волков. Теоретически, конечно, его могут забраковать, но это вряд ли. Кого они тут лучше найдут? И все-таки жаль, что с конем нельзя, тогда бы вообще никаких проблем...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.